Страница къ исторіи нашего женскаго домашняго воспитанія въ недавнюю старину.

Воспоминанія должны быть правдивы; но крайне трудно въ иныхъ случаяхъ отличить залегшее въ память первое впечатлѣніе пережитаго факта отъ наслоеній, принесенныхъ разговорами о немъ, отъ впечатлѣній однородныхъ фактовъ, повторявшихъ первый съ извѣстными видоизмѣненіями, и, наконецъ, отъ той точки зрѣнія, съ которой мы въ настоящемъ смотримъ на наше прошлое. Притомъ еще въ воспоминаніяхъ, которыя пишутся съ педагогическою цѣлью, нужна несравненно большая точность, чѣмъ въ тѣхъ, которыя имѣютъ цѣлью дать документъ жизни прошедшаго. Въ тѣсномъ кругу вліяній семьи и учителей всѣ положительныя и отрицательныя свойства ума и характера выступаютъ такъ ярко и имѣютъ такое вліяніе. какого имѣть не могутъ въ болѣе широкомъ кругу, гдѣ все это стушевывается въ массѣ другихъ вліяній, уравновѣшивающихъ одно другое.

Я рано помню себя и своихъ. Мнѣ минуло два года съ половиной, когда крестили сестру, и я какъ теперь вижу картину крестинъ: купель, свѣчи и крестныхъ, бабушку, мать моей матери, заступавшую мѣсто отсутствовавшей крестной матери, и дядю моей матери въ роли крестнаго отца. Помню маленькое красное существо, запищавшее послѣ погруженія въ воду такъ, что у меня сердце сжалось жалостью. Я помню дѣйствительность, а не созданное представленіе по разсказамъ, которое приняла-бы за воспоминаніе. Это доказывается тѣмъ, что бабушка рисуется въ памяти моей женщиной высокаго роста, хотя она была немного ниже средняго, и не было впечатлѣній, которыя поправили-бы эту ошибку. Мнѣ шелъ шестой годъ, когда она уѣхала въ Воронежъ, гдѣ вскорѣ умерла. Крестный отецъ сестры, когда я вызываю въ памяти картину крестинъ, представляется мнѣ человѣкомъ громаднаго роста и толщины необъятной; а онъ

былъ средняго роста и толстякомъ, не выходившимъ изъ обыкновенныхъ размѣровъ. Я помню его хорошо въ нормальной величинѣ, потому что была взрослой, когда онъ умеръ.

Я родилась въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, въ одномъ изъ портовъ Балтійскаго моря. Теперь, взвѣшивая вліянія, подъ которыми я росла, могу сказать, что они на половину были счастливыя, хотя дѣтство оставило во мнѣ очень немного свѣтлыхъ воспоминаній. Отецъ мой, православный съ оттѣнкомъ мистицизма—слѣда масонства, къ которому онъ принадлежалъ въ молодости, былъ человѣкомъ безукоризненно честнымъ; его прозвали «собакой на сѣнѣ» и «защитникомъ угнетенной невинности». Онъ постоянно терпѣлъ непріятности по службѣ, и это раздражало его характеръ, и безъ того суровый. Онъ видѣлъ въ себѣ главу семьи, да ему, по уму и характеру, несомнѣнно и принадлежало главенство. Патріотъ закала, приписываемаго преданіемъ Якову Ѳедоровичу Долгорукову, онъ рано заронилъ мнѣ въ душу закваску, непригодную для тѣста, изъ котораго лѣпили барышень; но онъ не предвидѣлъ, что она подниметъ броженіе, которое позже, при добавкѣ другихъ вліяній, выведетъ меня изъ тѣхъ границъ, какія онъ ставилъ женственности. Благодаря ему, я рано и, для своихъ лѣтъ. глубоко прониклась религіозными и патріотическими идеалами, какихъ вообще не получали мои сверстницы въ семьяхъ, въ которыхъ все сводилось на обрядность съ сильною примѣсью грубаго бабьяго суевѣрія.

Другое вліяніе въ семьѣ—матери и сестры ея, годами жившей у насъ послѣ недолгихъ отъѣздовъ, давало мнѣ съ сестрой хорошо извѣстную дрессировку, выдѣлывающую и теперь свѣтскихъ барышень. Мать моя, оставшаяся, въ очень многихъ отношеніяхъ, институткой до глубокой старости, не понимавшая жизни внѣ свѣтско-семейнаго кодекса, въ которомъ свѣтскость была преобладающей стихіей, считала себя по «комъ иль фо» гораздо выше круга, въ какомъ пришлось жить волею судебъ. Старшія сестры ея помнили то время, когда семья ихъ жила въ великосвѣтскомъ кругу въ столицѣ. Пожаръ 1812 года уничтожилъ въ Москвѣ домъ бабушки; мужъ ея, у котораго была въ Москвѣ богатая и знатная родня, тоже разорился, благодаря недобросовѣстности старшей сестры и опекунши, управлявшей имѣніемъ по несовершеннолѣтію младшихъ братьевъ, и ему пришлось взять мѣсто управляющаго у одного родственника. Тогда бабушка,—дочь французскаго эмигранта, прожившая первые годы молодости при дворѣ имп. Павла въ Гатчинѣ, привыкшая къ блеску и роскоши, мало-по-малу отстала отъ прежняго круга, выдала старшую

дочь (мать моя была младшей) за моряка, не принадлежавшаго къ большому свѣту, и спустилась въ кругъ средней руки, въ который вступила и мать моя, по выходѣ изъ института. Мать моя не помнила прежняго величія, но всегда носила въ сердцѣ культъ его, взлелѣянный разсказами матери и средней, незамужней сестры, подолгу жившей потомъ у насъ и замужеству которой помѣшалъ этотъ культъ. Бабушка передала матери моей преданія изящества, хорошаго тона и граціи вмѣстѣ съ тою преувеличенною оцѣнкою красивыхъ формъ свѣтской жизни, какою отличалось французское дворянство стараго режима.

Въ то время въ русскомъ обществѣ былъ силенъ этотъ родъ культа всего французскаго. Вторая дочь бабушки, поселившись у насъ, принесла его вмѣстѣ съ воспоминаніями о великосвѣтскихъ балахъ и ихъ царицахъ, считала недостойнымъ себя нашъ «грубый, матросскій кругъ» и съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей цѣли, дрессировала насъ, прививая грацію графини Ш., или княжны Д. Это прибавило новую тяжесть къ веригамъ дисциплины, въ которой насъ держали. Но у отца была система, требовавшая дѣтской самодѣятельности и, несмотря на суровость, дававшая намъ передышку. Отецъ, вообще любившій дѣтей, изрѣдка игралъ съ нами, послѣ обѣда разсказывалъ свои путешествія, показывалъ свои коллекціи, и въ эти минуты мы не боялись его. У него была своя система, и съ нимъ мы знали большею частью что̀ дѣлать, чего не дѣлать и что насъ ждетъ въ данномъ случаѣ. Дрессировка-же тетки и матери, благоговѣвшей передъ воспоминаніями сестры о блестящемъ прошломъ, не давали намъ передохнуть. Не такъ прошла, сѣла, встала, прибѣжала, поклонилась; то интонація вульгарная, выраженіе еще хуже, то улыбка и мимика пошлыя. Для моей порывистой натуры и моего крутого нрава, наслѣдованнаго отъ отца, это было непрестанной пыткой. Вѣчное стѣсненіе, требовавшее быть вѣчно на сторожѣ, слѣдить за собой и настроеніемъ старшихъ, было нестерпимо, раздражало. Отецъ и самъ видѣлъ, что меня задергивали изъ-за пустяковъ. До ушей моихъ долетали его слова «суета суетъ», произнесенныя въ примирительномъ и проповѣдническомъ тонѣ, и сердитые или издѣвающіеся голоса матери и тетки: «Ну, пошелъ! Не въ монастырь-же готовить дѣвочку!» Я тогда набиралась смѣлости и жаловалась отцу, а онъ отвѣчалъ ссылкой на заповѣдь повиновенія старшимъ. Это заставляло меня вдумываться въ смыслъ заповѣди; но вдумываться стала я позже, когда меня, въ 8 лѣтъ, отецъ готовилъ къ исповѣди и училъ разбирать свои мысли и поступки. До этого времени я понимала одно,-что отецъ не будетъ мнѣ опорой и не избавитъ меня отъ надоѣдавшей дрессировки. Много

выпадало минутъ обиды, тоскливое чувство схватывало за горло; но природа отпустила мнѣ большой запасъ физическихъ силъ: тоска скоро слетала съ души, и дѣтское веселье и удаль брали свое» и еще сильнѣе оттого, что такъ часто бывали сдавлены.

Отецъ мой имѣлъ нѣкоторыя понятія о педагогіи. Я не разъ видѣла, какъ онъ читалъ толстую книгу въ кожаномъ старинномъ переплетѣ. Это былъ переводъ, сдѣланный отцомъ его, съ какого-то, пользовавшагося извѣстностью, нѣмецкаго сочиненія о педагогіи. Дѣдъ мой со стороны отца занималъ видное мѣсто и считался въ числѣ либераловъ начала царствованія Александра I. Онъ сдѣлалъ этотъ переводъ, какъ и другіе, по желанію государя, имѣвшаго намѣреніе издать его на собственный счетъ; но явилось вліяніе Крюднеръ, смѣнившееся Аракчеевскимъ, и переводы такъ и остались ненапечатанными. Мнѣ не пришлось прочесть педагогическій переводъ дѣда; знаю одно, что отецъ вычиталъ изъ него правило развивать самодѣятельность и не нѣжить дѣтей. Мы спали на жесткихъ, какъ доски, тюфякахъ; насъ поднимали въ 6 — 7 часовъ утра, укладывали въ девять, свѣчу уносили немедленно. Мнѣ это было безразлично; я тотчасъ засыпала и вообще мало терпѣла отъ дѣтскихъ страховъ. Но сестрѣ моей бывало жутко, когда уносили свѣчу; она была болѣзненнымъ и слабымъ ребенкомъ; потемки угнетающимъ образомъ дѣйствовали на нее, и въ просоньи я часто слышала, какъ она окликала меня шепотомъ, спрашивая, сплю-ли я. Уложивъ насъ спать, нянька должна была немедленно уйти; сидѣть, пока мы не засыпали, было строго запрещено. Чуть только я выучилась кое-какъ справляться съ завязками и надѣвать чулки, мнѣ было приказано одѣваться самой. Отецъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы мы дѣлали все, что могли, сами и не наваливали лишнюю работу на прислугу. Я рано запомнила, какъ онъ объяснялъ роднѣ свою спартанскую систему воспитанія. Многое я, конечно, поняла позже. Онъ хотѣлъ закалить насъ для жизни. При постоянной борьбѣ его съ начальствомъ, которому онъ не позволялъ злоупотребленій въ той части, какою онъ завѣдывалъ, онъ ожидалъ отставки съ ничтожной пенсіей. Я рано освоилась съ мыслью, что мнѣ, быть можетъ, придется зарабатывать хлѣбъ трудомъ.

Въ одномъ отецъ не могъ соблюсти предписанія неизвѣстнаго мнѣ нѣмца-педагога: дѣтская наша была мрачной комнатой, узкой и глубокой, съ однимъ громаднымъ голландскимъ окномъ, выходившимъ на сѣверъ. Всѣ казенныя квартиры были расположены окнами на сѣверъ и выстроены по одному плану. На югъ выходили сѣни,

передняя, кухня и одна очень небольшая комната возлѣ передней—кабинетъ отца, единственная комната не проходная. Я живо помню подавляющее впечатлѣніе, какое производила на меня анфилада просторныхъ сумрачныхъ комнатъ. Осенью и зимой солнечные дни были такъ рѣдки, и морскія испаренія копились свинцовыми, низко нависавшими тучами. Насъ всегда тянуло на солнечную сторону квартиры—въ кабинетъ отца. Не смотря на массу цвѣтовъ и растеній, которыми было заставлено окно, комната была залита свѣтомъ. Намъ разрѣшалось быть въ кабинетѣ и тогда, когда отецъ уходилъ на службу; но это—подъ условіемъ ничего не трогать и не сорить, а потому свѣтлый кабинетъ не всегда привлекалъ насъ. Зато тѣмъ сильнѣе было искушеніе пробѣгаться тайкомъ по холодной длинной и узкой передней. Сквозь огромное окно на полъ и стѣны падали снопами лучи золотого свѣта. Зимой нижнія обмерзшія стекла перенимали его, но зато какъ хороши были серебристыя ёлочки и другіе звѣздчатые узоры, наведенные морозомъ на стеклѣ. Я подолгу останавливалась, чтобы любоваться ими, а еще болѣе любовалась яснымъ блѣдно-голубымъ небомъ,—въ первые годы непосредственно, потому что было красиво; съ семи лѣтъ, когда я начала молиться сознательно и меня охватило мистическое настроеніе, я мечтала о славѣ Бога среди ангеловъ его за этимъ яснымъ голубымъ сводомъ.

Продрогнувъ въ ситцевомъ платьицѣ съ короткими рукавами, обнажавшими руки выше локтей, и съ вырѣзаннымъ широко воротомъ, открывавшимъ плечи, на которыя была надѣта легкая бѣлая пелеринка, я принималась бѣгать и прыгать. Да и надо было излить восторгъ, накопившійся отъ созерцанія свѣта солнышка и лазури неба... А солнечные лучи такъ и ласкали мою по-кадетски остриженную голову... Толстый матъ заглушалъ шаги. Наконецъ, замѣчали мое отсутствіе и угрозой розогъ возвращали въ дѣтскую.

Съ 60-хъ годовъ, когда порвали съ домостроевской системой воспитанія, дѣти изъ нумера послѣдняго превратились въ нумеръ первый, благодаря нашей способности кидаться изъ одной крайности въ другую. Въ то время, какъ и всегда, бывало не мало чадолюбивыхъ семей въ родѣ семьи тетки, старшей сестры моей матери; но это установилось не въ силу доморощеннаго толкованія принциповъ педагогіи, предписывающихъ развивать дѣтскую самостоятельность, а по просту, на манеръ Простаковой. Нумеромъ послѣднимъ дѣти были всего чаще вслѣдствіе родительскаго эгоизма въ семьяхъ, жившихъ въ свое удовольствіе и не помышлявшихъ ни о какихъ системахъ воспитанія. Дѣтей забивали въ самую маленькую и неудобную ком-

нату, подальше отъ парадной половины, пропитанную кухоннымъ чадомъ и всякими міазмами. Дѣти такъ надоѣдали шумомъ, мѣшали занимать гостей, для которыхъ собственно и былъ устроенъ весь обиходъ. Я живо помню, какъ подросткомъ широко раскрыла глаза отъ невольнаго изумленія, когда одна барыня, на замѣчаніе моего отца, что дѣтская сырая и темная комната и что дѣтей можно помѣстить въ ея спальнѣ, а спальню перевести въ будуаръ, безъ котораго можно обойтись при гостиной и залѣ, отвѣчала: «Вотъ еще! Стану я себя стѣснять для дѣтей! Какъ будто нѣтъ пансіоновъ, если дѣтская окажется сырой?» Мужъ ея багрово покраснѣлъ, замѣтивъ мое изумленіе. Барыня, избалованная красавица, очень недальняя, только высказала не стѣсняясь то, что проводили на практикѣ очень и очень многія.

Въ нашей семьѣ дѣти были нумеромъ послѣднимъ, во имя системы строжайшей дисциплины. Дѣти должны быть всѣмъ довольны, для дѣтей все хорошо, потому что они—дѣти, не взрослые. Дѣти обязаны безпрекословно повиноваться родителямъ, воспитателямъ, учителямъ, а также и прочимъ старшимъ, когда приказанія ихъ не противорѣчатъ приказаніямъ первыхъ трехъ властей. Разсужденія не допускались; если выходила какая-нибудь ошибка или даже вина вслѣдствіе исполненія полученнаго приказанія, провинившійся ребенокъ не подвергался наказанію. Мальчикамъ внѣдряли догматъ безпрекословнаго повиновенія въ виду предстоявшей имъ государственной службы, дѣвочкамъ—въ виду неизбѣжной власти мужа. Если-бы возможно было проводить безъ помѣхъ и перерывовъ какую-либо систему, то это въ конецъ-бы искалѣчило дѣтей. Но отцы большую часть времени были заняты службой, по вечерамъ былъ нуженъ преферансъ; матери отдавали много времени гостямъ, или чтенію французскихъ романовъ. Няньки и гувернантки сами бывали рады передохнуть отъ надзора за дѣтьми, и дѣти устраивали себѣ, насколько могли, свою жизнь.

Мы съ сестрой росли подъ такимъ надзоромъ, который заставлялъ другихъ дѣтей постоянно дразнить насъ и изрѣдка жалѣть. Выѣзды въ свѣтъ и пріемы были событіями въ нашей жизни; жить приходилось съ разсчетомъ каждый копейки, и потому передышки отъ дисциплины были рѣдки. И эти минуты доставались намъ, благодаря прислугѣ, за повиновеніе которой насъ такъ дразнили товарищи. Не говоря уже о нянѣ, которая смѣнялась довольно часто, мы повиновались горничной Ольгѣ, молоденькой дѣвушкѣ, единственной крѣпостной, и деньщику Ивану, беззавѣтно преданному отцу и

интересамъ хозяйства и баловавшему насъ, какъ нѣжнѣйшая няня. Его суровое прямолинейное лицо, будто вырубленное прямыми углами топоромъ въ кускѣ темнаго дерева, не пугало насъ, сѣрые глаза изъ-подъ мохнатой полосы бровей смотрѣли такъ ласково на насъ. Скрыть слѣды нашихъ шалостей, сладить изъ лучинъ игрушку, которую я цѣнила болѣе шаблонныхъ игрушекъ, потому что могла дѣлать съ нею что хотѣла, сунуть тайкомъ что-нибудь съѣстное, и всегда кусокъ получше, когда насъ оставляли безъ обѣда,—это было радостью столько-же для Ивана, сколько и для насъ.

Родня и знакомые цѣнили Ивана за его преданность интересамъ барина, ихъ забавляла его мужицкая простота. Прослуживъ 25 лѣтъ въ деньщикахъ, и изъ этого числа почти 24 года у отца, онъ остался, къ ужасу и горю моей матери, все тѣмъ-же мужикомъ: говорилъ всѣмъ ты, кромѣ отца, и нисколько не усвоилъ тѣхъ элементовъ цивилизаціи, которые внушаются городскому слугѣ. Это очень забавляло кружокъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ, и за это, равно и за безукоризненную честность и преданность барину и семьѣ его, Иванъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ извѣстностью въ нашемъ городѣ. Иванъ бывалъ неумолимъ только, когда отецъ давалъ ему какое-нибудь предписаніе относительно насъ, за исключеніемъ оставленія безъ обѣда и розогъ; приказанія-же матери и тетки онъ впускалъ въ одно ухо и выпускалъ въ другое, въ силу своего презрѣнія къ «женскому полу». «Я барину скажу, не слушаешь приказаній»,—упрекала его разсерженная мать. Иванъ съ неизмѣнной флегмой отвѣчалъ: «Жалуйтесь. Вчера приказывали другое, а завтра третье прикажете. Нешто это порядокъ! Я и барину такъ скажу. Я не губернантка, чтобы всѣ ваши приказанія понимать». Несмотря на все свое почтеніе къ отцу, онъ грубилъ ему, когда насъ оставляли безъ обѣда или сѣкли. «Гдѣ это видано—морить дѣтей голодомъ»,—протестовалъ негодующимъ тономъ Иванъ; или «для-че не высѣчь, коли вина большая, а то сѣчь за эдакое плёвое дѣло...».

Насмѣшки товарищей не поколебали нашу дѣтскую привязанность къ Ивану. «Иванъ не такой деньщикъ, какъ всѣ»,—отвѣчала я насмѣшникамъ. Но этого не понимали товарищи: по ихъ кодексу, сложившемуся подъ вліяніемъ военно-крѣпостническихъ воззрѣній, только одна власть няньки признавалась законной, и это далеко не въ той мѣрѣ, въ какой нянька пользовалась ею у насъ. Наша могла, въ случаѣ упрямства, ссоръ, уводить насъ раньше положеннаго срока съ гулянья, изъ гостей, отбирать, и надолго, игрушки. Власть крѣпостной горничной и деньщика надъ барышнями оскорбляла всѣ

идеи товарищей о порядкѣ и приличіи. Если разгоралась дѣтская драка, Иванъ бралъ насъ на руки и относилъ въ сторону. Разъ какъ-то Ольга не могла въ этомъ случаѣ справиться со мной и позвала новаго деньщика, взятаго на время отпуска Ивана, уѣхавшаго повидаться со своими; но я не могла снести этой «дерзости» и до того билась съ неистовыми криками на рукахъ деньщика, что тотъ, испугавшись, чуть не выпустилъ меня изъ рукъ, вмѣсто того, чтобы поставить на землю. Ольга едва успѣла подхватить меня. Что было дозволено Ивану, не дозволялось «чужому». Иванъ, сверхъ того, имѣлъ особыя права на наше уваженіе тѣмъ, что умѣлъ *все сдѣлать*. Онъ былъ, дѣйствительно, мастеръ на всѣ руки,—и плотничать, и столярничать умѣлъ, могъ быть обойщикомъ, сапожникомъ. Таланты его высказывались во всемъ блескѣ во время переѣздовъ, устройства квартиры въ избушкѣ въ слободѣ,—на косѣ, за городомъ, куда мы переѣзжали на дачу. Хаосъ сваленныхъ вещей съ неимовѣрною быстротой превращался въ стройный порядокъ; все было прилажено, удобно, хотя комфортъ былъ очень незатѣйливый. «Пропали-бы безъ меня,—самодовольно говорилъ Иванъ, ладя намъ лопаточки и тачки для песку.—Что-бы пришлось за все переплатить! А откуда баринъ возьметъ денегъ? не куетъ, какъ другіе». Экономическая сторона—даровой трудъ—пропадали для меня, когда я восхищалась *всеодѣланьемъ* Ивана; меня занималъ самый процессъ творчества: такъ, интересовало видѣть, какъ изъ обрубка дерева, негоднаго куска доски создавалась вещь нужная, и очень часто высокой цѣнности для меня... Но и на мою дружбу съ Иваномъ налетали тучи, и всегда послѣ дождей. На безобразной мостовой города лужи бывали иногда глубоки, или по песчаной слободской дорогѣ появились промоины, и тогда Иванъ считалъ долгомъ переносить дѣтей черезъ грязь и воду. Съ трехъ лѣтъ я считала это униженіемъ. Я билась на рукахъ Ивана и кричала: «сама, сама!» «Ну чего, «сама, сама»,—ворчалъ Иванъ,—баринъ не даромъ прозвалъ «сама». Сама-то по колѣни свалишься въ воду». Такой грѣхъ со мной случался часто. Но, несмотря на эти и другія непріятныя послѣдствія отъ стремленія къ ранней самостоятельности, въ родѣ порѣзовъ пожемъ, или обжоговъ отъ крана самовара, я не унималась и причиняла не мало тревоги старшимъ; даже иногда самого Ивана я доводила до угрозы пожаловаться папенькѣ. Эта угроза казалась мнѣ измѣной, и я дулась на своего друга.

Ни Иванъ, ни первая няня Катерина, которую я помню, никогда не злоупотребляли властью; Катерина была нѣсколько вялою, доброю

бабой, часто плакала о ребенкѣ, который умеръ на рожкѣ, когда она жила въ кормилицахъ у знакомыхъ нашихъ,—быть можетъ, оттого она такъ и привязалась къ намъ. Еще чаще плакала она о мужѣ, отданномъ въ арестантскія роты. Мать наша распекала Катерину за частыя слезы: онѣ могутъ разстроить дѣтей; отецъ замѣчалъ при этомъ, что бѣда не велика, если поплачемъ, и что грѣшно пріучать бѣгать отъ горя братьевъ во Христѣ. Черезъ годъ няня Катерина ушла отъ насъ; мужъ ея, отбывъ свой срокъ, взялъ ее къ себѣ въ матросскую казарму. Мы съ сестрой проводили няню громкимъ и горькимъ плачемъ.

Горничную Ольгу мы любили менѣе Ивана. Она, при своихъ гостяхъ, или чужой прислугѣ, бывавшей за дѣломъ на кухнѣ, любила похвастаться своею властью надъ нами. Я какъ-то вошла на кухню, когда у Ольги сидѣла сосѣдская швея и обѣ толковали о житьѣ у господъ и господскихъ порядкахъ. Гостья жаловалась на господскихъ дѣтей-мучителей:—чуть что не по нимъ,—не бросишь-же для ихъ капризовъ нужную работу,—бѣгутъ съ ревомъ жаловаться, а барыня горячая... Ольга хвалилась тѣмъ, что у насъ дѣти должны беречь трудъ прислуги и слушаться ея. Горничная вѣрить не хотѣла, и Ольга, въ доказательство, принявъ необычайно важный и повелительный видъ, прикрикнула на меня: «Чего вы здѣсь торчите? Сейчасъ ступайте въ дѣтскую». Я ушла, обиженная глубоко, и не тѣмъ, что меня погнали изъ кухни,—это было вполнѣ законно,—но грубостью окрика, и еще при чужой. Я понимала, что это было *нарочно*, потому что въ другое время Ольга, только на глазахъ соблюдавшая предписанія, не гоняла; теперь ей захотѣлось похвастать своею властью надо мной. Я долго помнила этотъ окрикъ,—Ольга никогда не говорила такъ грубо съ нами, хотя и не любила насъ такъ, какъ няня Катерина. Я не пожаловалась на Ольгу; у насъ, а также и у товарищей, дѣтей дяди моей матери, считалось позоромъ жаловаться на прислугу; мы съ сестрой были въ товарищескихъ отношеніяхъ съ нашей. Она покрывала наши проказы, въ сущности невинныя, мы—со слезами вымаливали за нее прощенья въ провинностяхъ ея, также неважныхъ. Мы просили смѣло въ такихъ случаяхъ,—это не было «попрошайничествомъ», котораго мы не уважали. Много говорилось о вредѣ общества прислуги; но мы съ сестрой не только не вынесли никакого вреда, но еще въ то время въ насъ запало зерно человѣчнаго отношенія къ народу. Предразсудки, суевѣрія и безъ няни, Ольги и Ивана передавались намъ матерью и теткой, знакомыми барынями и родственницами; даже въ иномъ и нашимъ отцомъ. Ци-

низма и разврата прислуги мы не видѣли. Отецъ не даромъ полагался на Ивана. Въ рѣдкіе вечера, когда мать и отецъ выѣзжали, мы устраивали свои вечеринки. Иванъ, Ольга и дежурный вѣстовой отца приходили въ дѣтскую, принося очень засаленную колоду картъ. Мы уже заранѣе выставляли на столъ гусекъ, лото и домино. Наши гости играли съ такимъ-же удовольствіемъ, какъ и мы, безъ обиднаго снисхожденія, не давая постоянно чувствовать намъ, невольно и вольно, что играютъ для насъ. Наши гости играли сами для себя. Лото и дурачки смѣнялись засаленнымъ оракуломъ, и въ силу того, что я съ трехъ лѣтъ уже была грамотноій, т.-е. умѣла читать, моимъ дѣломъ было читать прорицанія, отыскавъ ихъ по нумерамъ. Въ нихъ ждали отвѣта на задуманные вопросы. Отвѣты вызывали толкованія, споры; оракулъ выражался иносказательно и очень темно, а когда смыслъ бывалъ ясенъ, то зачастую совершенно неподходящимъ къ задуманному. Мое мнѣніе, какъ грамотноій, имѣло вѣсъ и служило отчасти къ разрѣшенію отвѣта, поставившаго въ тупикъ все общество. Загадано было о письмѣ; я прочла отвѣтъ: «Ты ищешь, человѣче, еленя, а онъ давно въ лѣсъ ушелъ». Что общаго между «еленемъ» и письмомъ? Я могла объяснить только, что «елень»— олень. Иванъ разрѣшалъ недоумѣніе словами: «елень ушелъ въ лѣсъ, куда ему слѣдуетъ, а письмо пришло въ деревню, куда ему слѣдуетъ».

Послѣ игръ начиналась музыка и пѣніе, т.-е. игра губами на гребенкѣ, обернутой бумажкой по концамъ зубьевъ, съ аккомпанементомъ брянчанья ножемъ по стакану или большимъ ножницамъ. Когда я начала играть на фортепіано гаммы, то внесла этимъ новый музыкальный элементъ. Гаммы были дивертиссементомъ, который я давала безъ аккомпанимента: по общему мнѣнію, было признано, что онъ только портитъ музыку. Потомъ пили чай, т.-е. мы— свое молоко, являлось угощеніе; мы приберегали гостинцы, Иванъ приносилъ орѣховъ. Иногда намъ доставалось за наши вечера. Зала примыкала къ квартирѣ сосѣдей, и не разъ уже старуха-сосѣдка, державшая женатаго сына съ семьей желѣзной рукой, присылала прислугу спросить, что у насъ за шумъ, когда нашъ хоръ доносился до ея ушеій изъ дѣтской, отдѣленноій отъ залы двумя комнатами. Она не удовольствовалась этимъ и на другой день пожаловалась запискоій,—конечно, вызвавшей грозу. Но вечера наши не прекратились; они были дозволены, хотя безъ тѣхъ увлеченіи веселъемъ, за которыя явилась жалоба. Мать, женщина нервная и нѣсколько истеричная, уѣзжая изъ дома, терзалась постояннымъ страхомъ, что

въ ея отсутствіе непремѣнно случится какая-нибудь бѣда, и моя, очень рано проявившаяся, наклонность къ разнымъ членовредительнымъ и головоломнымъ штукамъ отчасти оправдывала этотъ ужасъ. Требовалось усилить надзоръ—и отдавалось приказаніе Ольгѣ и Ивану сидѣть въ дѣтской и играть въ лото или дураки. Вѣстовому было скучно одному на кухнѣ—и онъ шелъ къ намъ. Иногда приходила знакомая прислуга сосѣдей, пользуясь вечерами въ клубѣ, собиравшими господъ.

И ничего, кромѣ теплаго отношенія къ людямъ, не вынесли мы изъ этихъ вечеровъ. Случалось, что новичекъ вѣстовой, оставленный дуракомъ, отпускалъ неслыханное нами словцо; его тотчасъ унимали, стыдили. Онъ смолкалъ испуганно. Случалось, иной просилъ насъ не говорить барину и барынѣ. «Наши дѣти не ябедничаютъ», успокаивали его наши пѣстуны, и тонъ, какимъ произносились эти слова, умирялъ поднимавшееся во мнѣ чувство обиды. Эти вечера давали дѣтямъ передохнуть отъ нестерпимой муштровки; мы были не подчиненными, обязанными ходить по стрункѣ, съ оглядкой, но равноправными членами нашего маленькаго общества; намъ дышалось привольно, сдавленная дѣтская жизнь била ключемъ, и вечера эти свѣтятся искорками на сѣренькомъ фонѣ невеселаго дѣтства.

Когда я начала побольше понимать окружающую жизнь, эти вечера приподняли передо мной одинъ край завѣсы, скрывавшей жизнь народа. Горничныя и няньки, приходившія въ гости къ нашей прислугѣ, смѣнявшіеся вѣстовые не стѣснялись говорить о своемъ житьѣ, родныхъ и деревнѣ. Я рано наслышалась о злыхъ господахъ, мучительски мучившихъ крѣпостныхъ, не кормившихъ до сыта, не одѣвавшихъ, и узнала много некрасивыхъ въ этомъ отношеніи подробностей о барской жизни нѣкоторыхъ знакомыхъ. Помню живо тотъ страхъ, который мнѣ стала внушать одна вдова, мать четверыхъ дѣтей, г-жа К., пользовавшаяся репутаціей умной и почтенной женщины, примѣрной хозяйки и матери. Отецъ мой, правда, не особенно любилъ ее за сплетни и звалъ «баба-пролазъ»; но для матери она была авторитетомъ по части воспитанія дѣтей. Эта барыня, при ничтожной пенсіи и крохотномъ клочкѣ земли, находила средства прилично вывозить дочь, принимать постоянно гостей и жить «не хуже людей». Она нашла источникъ доходовъ въ оброчныхъ «дѣвкахъ» и бабахъ, которыхъ отдавала въ наемъ на казенную прачечную. Это была адская работа, въ годъ-другой изсушавшая пышущую здоровьемъ пріѣзжую изъ деревни. Позже такіе факты забросили мнѣ въ голову первыя сомнѣнія относительно почтенности

и примѣрности многихъ барынь, но въ тѣ годы они учили меня жалѣть. Иногда, видя слезы, и я плакала. Если случалось матери замѣтить это, прислугѣ доставалось отъ матери за то, что она разстраиваетъ своими росказнями дѣтей. Отецъ замѣчалъ тогда, что это глупыя нѣжности, а мнѣ совѣтовалъ, вмѣсто того, чтобы плакать, помолиться усерднѣе за несчастныхъ. Тайкомъ отъ меня отдавался приказъ разсказывать толкомъ, а лишняго не болтать. «Лишнее» означало ту сторону жизни, которую тщательно скрываютъ отъ дѣвочекъ.

Эти уроки дѣйствительной жизни оставили слѣды, и я благодарна за то, что насъ не прятали въ психологическіе хлопки и что христіанскіе взгляды отца не ставили стѣну между нами и «людьми».

Отецъ и мать сами учили насъ, позже брали учительницъ и учителей. Читать я начала по складнымъ буквамъ и, по отзыву всѣхъ своихъ, уже будучи трехъ лѣтъ, бойко читала. Перваго урока грамоты я не помню,—дѣло велось между играми и безъ долгаго присаживанья. Въ то время было въ модѣ раннее ученье, и не слышалось жалобъ о вредѣ его для здоровья даже дѣтей, не отличавшихся хорошими способностями. Правда, что соблюдалось правило—ежедневно на два часа въ день, а лѣтомъ почти цѣлые дни быть на воздухѣ, не читать и не заниматься послѣ обѣда; физическія упражненія, т.-е. бѣганье, скаканье на веревочкѣ, танцы, гигантскіе шаги поощрялись; лѣтомъ—копанье грядокъ; были и запрещенныя для дѣвочекъ—борьба и взлѣзанье на деревья и стѣны. Въ то время образованіе дѣвочекъ ограничивалось музыкой и языками французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ. Французскому учила меня мать, хорошо знавшая грамматику. Безукоризненное знаніе participe passé считалось вѣнцомъ знанія языка. Нѣмецкому учила одна молодая женщина, приходившая иногда въ гости по воскресеньямъ съ сыномъ, моимъ ровесникомъ. Она вздумала заставлять восьмилѣтнюю дѣвочку писать стихи и дала тему: вѣра, надежда и любовь. Въ отчаяніи, я пришла къ отцу. Я и по русски никогда еще не прибрала ни одной риѳмы, но дисциплина требовала, чтобы приказаніе учительницы было исполнено. Меня смущала риѳма, а не то, что̀ мнѣ сказать о вѣрѣ, надеждѣ и любви: наслышалась и начиталась я и въ 8 лѣтъ довольно проповѣдей на тему трехъ христіанскихъ добродѣтелей. Я по русски составила набросокъ о томъ, что вѣра указываетъ путь къ небу, надежда даетъ силу и отраду въ горестяхъ, а любовь научаетъ дѣлать добро. Но какъ все это втиснуть въ предписанный размѣръ,

какой ужъ не помню, гдѣ риѳмы должны были чередоваться черезъ одну?.. Тогда я перевела набросокъ свой на нѣмецкій, выбрала слова риомующія, пріискала и другія, подходящія къ смыслу, и написала въ концѣ строкъ риѳмы, потомъ съ мучительными потугами набрала текстъ. Въ этихъ bouts rimés, паче чаянія, оказался смыслъ, и даже грамотно выраженный для моихъ лѣтъ; но, увы! какая-то глагольная риѳма могла риѳмовать съ существительнымъ только въ прошедшемъ, а требовалось настоящее время... Въ памяти моей уцѣлѣло только воспоминаніе о мучительныхъ потугахъ навязаннаго творчества и самолюбивыя терзанія, что я осрамлюсь. Учительница въ мои лѣта писала нѣмецкіе стихи, а я не могла писать русскихъ... Отецъ утѣшилъ меня, доказывая неразумность честолюбія и самолюбія: каждый обязанъ дать только то лучшее, что можетъ дать, а если другіе могутъ дать еще лучшее, то тѣмъ лучше для нихъ и для всѣхъ. Учительница пришла въ ужасъ отъ моихъ стиховъ, не найдя въ нихъ poetischer Schwang. И много искренняго разочарованія было въ ея ужасѣ. Она, при первой встрѣчѣ со мной, объявила, что изъ моихъ глазъ смотритъ поэтическая душа, и дала себѣ слово развить ее; она была очень обижена просьбой отца не задавать стиховъ и просьбой матери не развивать во мнѣ странныхъ фантазій,—тѣмъ болѣе, что у меня и безъ того довольно есть въ головѣ глупыхъ... Черезъ годъ ей пришлось отказать за многія странныя выходки, и въ томъ числѣ упорное восхищеніе моей poetische Seele. Она вскорѣ сошла съ ума. Имени ея я не помню, но какъ теперь вижу высохшее желтое лицо, съ длиннымъ прямымъ носомъ и сѣрыми, часто заплаканными глазами. Бѣдная много вынесла отъ мужа и билась, работая для двоихъ сыновей. Кто знаетъ, въ ея отыскиваньи поэтической души у восьмилѣтней дѣвочки не сказывалась-ли горечь разбитыхъ надеждъ на идеальную жизнь, о которой она мнѣ много говорила на урокахъ?.. И часто послѣ урока я ломала себѣ голову, думая, какая это такая жизнь, не похожая на allgemeine, которая разбиваетъ сердце?

Русскому языку, т.-е. грамматикѣ, учила мать; ариѳметикѣ, географіи и исторіи — отецъ. Системы приготовленія уроковъ не было. Отецъ заставлялъ прочесть то мѣсто, которое стояло на очереди, вникнуть и понять основательно, и затѣмъ выучить наизусть слово въ слово и отвѣтить—и это ровно черезъ часъ. Это была очень усиленная гимнастика памяти, потому что задавалось по 4 страницы учебника Арсеньева, который потомъ замѣнили учебникомъ Ободовскаго; въ слѣдующій затѣмъ часъ шелъ урокъ исторіи—по краткому учебнику Устрялова. Ариѳметику я учила тоже отчасти наизусть, а именно опре-

дѣленія. Заучиванье это не было безсмысленнымъ зубреньемъ, потому что, прочитавъ урокъ съ отцемъ, я передавала его своими словами; заучиванье это было плодомъ всей системы дисциплины, ставившей на первомъ планѣ уваженіе къ старшимъ. «Ты, вѣдь, лучше него (составителя учебника) не скажешь—ну, и учись у него». Началось ученье по старой методѣ—съ нумераціи, и по учебнику восемьсотъ первыхъ годовъ, по которому самъ отецъ учился въ морскомъ корпусѣ. Я бойко писала семизначныя суммы и въ 8 лѣтъ дѣлала всѣ четыре дѣйствія съ простыми числами. На ариѳметику уходило четыре часа въ недѣлю, по два на одинъ урокъ. Не давались мнѣ только задачи съ загадками, въ родѣ извѣстной о встрѣчѣ стрѣлокъ часовой и минутной, гдѣ надо было смекнуть, что минутная проходитъ весь кругъ—60 минутъ, а часовая—часть его, т.-е. сегментъ въ пять минутъ. Я находила, что нѣтъ данныхъ для задачи. Отецъ неумолимо твердилъ: «подумай, не лѣнись. Тебѣ не въ кого быть тупицей. Мы всѣ выходили изъ перваго десятка на выпускѣ». Иногда я осиливала головоломную загадку; иногда отецъ убѣждался, что я измучилась усиліями; онъ сердито объяснялъ, и я горѣла отъ стыда, видя, что ларчикъ открывался такъ просто и надо было только смекнуть то, что въ сущности было мелочью. Но ужъ таково было свойство моего ума: я могла понять многое, признанное недоступнымъ для моихъ лѣтъ, разъ это было объяснено просто, иногда понимать съ половины объясненія, но догадываться о смыслѣ логариѳмовъ не могла. Въ двѣнадцать лѣтъ я прошла алгебру во второй части учебника ариѳметики. Пришлось немного трудно, отецъ не любилъ разжевывать и твердилъ, что надо самой работать головой. У нихъ, въ корпусѣ, учитель математики былъ почти 80-ти-лѣтній старикъ, который перезабылъ многое и дремалъ въ классѣ, такъ что первый десятокъ самъ шелъ впередъ по учебникамъ и учитель вызывалъ котораго-нибудь изъ десятка для объясненія другимъ ученикамъ: «Эй, ты, NN., подь къ доскѣ»... Я поняла, подставивъ цыфры вмѣсто буквъ въ первыхъ теоремахъ. Корни квадратные и кубическіе были пройдены, и мы дошли до логариѳмовъ. Тогда отецъ объявилъ, что я прошла весь курсъ ариѳметити, нужный для меня, и даже лишнее, потому что, кромѣ четырехъ правилъ да еще тройнаго и обратнаго, мнѣ ничего другого не нужно будетъ въ жизни. Разсчитать, сколько холста на одну дюжину бѣлья, или двѣ, поуже—больше, пошире—меньше—вотъ и все примѣненіе ариѳметики, которое предстояло мнѣ. Логариѳмы не для дѣвочекъ. Это задѣло мое самолюбіе, тѣмъ больше, что и товарищи дѣтства, двоюродные братья моей матери, дразнили: «куда

тебѣ, дѣвчонкѣ; ты не поймешь!» Я легко поняла логариѳмы; исписавъ обѣ стороны большой аспидной доски, я съ торжествомъ понесла отцу. Онъ остался недоволенъ непослушаніемъ и тратой времени на удовлетвореніе тщеславія. Но было не одно тщеславіе,—во мнѣ пробуждался интересъ къ математикѣ. Позже, когда я проходила свой курсъ общаго образованія по популярнымъ книжкамъ и журнальнымъ статьямъ, я живо чувствовала, какъ мнѣ недоставало математическаго образованія.

На географію и русскую исторію было опредѣлено по два часа въ недѣлю. Географію вообще я и мои товарищи дѣтства не любили, да и теперь, несмотря на всякія педагогическія приспособленія, она считается предметомъ скучнымъ,—развѣ что явится выдающійся учитель. Намъ пособіемъ служили географическія карты и клубокъ шерсти на спицѣ, объяснявшій наглядно круговращеніе земного шара. Училась я усердно географіи ради дисциплины: должное надо сдѣлать, и послабленій у насъ не было. Эта дисциплина побудила меня выработать самой себѣ правило—пить горькую чашу разомъ, которое потомъ пригодилось мнѣ не разъ. Такимъ образомъ, съ нелюбимымъ предметомъ я справлялась, когда рабочая энергія была свѣжа; переходя къ любимому, я вновь оживлялась и увлекалась до того, что отецъ, пощупавъ голову, посылалъ пробѣгаться. Помню скуку долбить по Арсеньеву списокъ уѣздовъ каждой губерніи; долбила нараспѣвъ, придавая свой ритмъ, что помогало запоминать: Ардатовъ, Лукояновъ и т. д.

Русскую исторію я любила болѣе въ силу патріотическаго чувства, чѣмъ научной любознательности. Начало урока было обставлено торжественностью почти религіозной; впрочемъ, «обставлено» невѣрное слово, потому что отецъ былъ неспособенъ ни къ какой намѣренной выставкѣ. Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, отецъ позвалъ меня и прочувствованнымъ голосомъ сказалъ: «ты русская, ты должна знать исторію твоего отечества. Здѣсь ты увидишь, какъ Богъ велъ Россію, и какими путями привелъ ее къ могуществу и славѣ настоящаго времени. Русскій народъ, избранный Богомъ, онъ православный; такъ древле были избраннымъ народомъ евреи. Ты увидишь, какъ изъ слабаго княжества Россія выросла въ имперію, которая держитъ въ страхѣ иноплеменниковъ. Бывала пора, когда народъ прогнѣвлялъ Господа грѣхами, и Онъ насылалъ на него враговъ. Народъ каялся, и Господь прощалъ и давалъ силу побѣдить враговъ». Нѣтъ ничего легче, конечно, какъ доказать несостоятельность такого пріема съ какихъ угодно точекъ зрѣнія. Дѣтскій умъ рано

отливали въ опредѣленные шаблоны, засѣвали зерно, а послѣ пришлось вырывать растеніе съ корнемъ. Но въ нравственномъ отношеніи въ ту темную пору такой пріемъ оказался благодѣтельнымъ. Онъ давалъ идеалы, поднимавшіе надъ жалкимъ уровнемъ дрессировки «барышни» и «demoiselle comme il faut», которою муштровала меня женская стихія въ домѣ. Важно заронить въ дѣтскую душу потребность идеаловъ, а разъ она есть, то уже сама пойдетъ къ свѣту. Конечно, лучше, несравненно лучше было-бы, если-бы на пути не приходилось сжигать старыхъ боговъ, расчищая мѣсто новымъ; но когда неоткуда взять новыхъ, то хорошо, если душа—храмъ для старыхъ, а не пустая горница, выметенная и прибранная, въ которой могутъ свободно селиться всякіе бѣсы и о которой говоритъ евангельская притча. Умиленіе отца, его проникнутый благоговѣйнымъ чувствомъ голосъ запали мнѣ въ душу. Я не долбила учебникъ Устрялова, я воспринимала каждое слово его съ жаднымъ восторгомъ, который поохладѣлъ, когда я дошла до междоусобицы удѣльныхъ князей, и потомъ снова возгорѣлся въ эпоху изгнанія татаръ, затѣмъ— взятія Казани, изгнанія поляковъ и воцаренія дома Романовыхъ. А тамъ Петръ I, Екатерина II, Александръ Благословенный... Моимъ любимымъ чтеніемъ, и это съ 8 лѣтъ, была исторія Карамзина.

Въ наше время, когда разжевываніе и пережевываніе стало лозунгомъ педагогическихъ системъ, скажутъ, что это было тепличное развитіе, которое должно было вредно отозваться на дѣтскомъ умѣ и здоровьѣ, и чтобы вынести его надо было обладать большими способностями и крѣпкимъ здоровьемъ. Способности у меня были, правда, хорошія, но немногимъ лучше, чѣмъ у товарищей дѣтства, а здоровьемъ со мною могла поспорить ровесница моя, кузина матери моей, Саня; она была полугодомъ старше, и шли мы ровно во всемъ: она брала добросовѣстнымъ трудомъ то, что мнѣ давалось легко. Если-бы было поменьше дѣтскаго горя у меня, то я-бы вынесла и бо́льшее напряженіе ученья. Кромѣ пережевыванья, нынче дѣтскому уму ставятъ границы и видятъ нѣчто гибельное, если ребенокъ изрѣдка поломаетъ голову надъ тѣмъ, что недоступно ему. Но вообще, сколько мнѣ ни припоминается жизнь своя и товарищей, сколько мнѣ послѣ ни приходилось въ продолженіе цѣлой жизни видѣть близко дѣтей и дружиться съ ними, я вынесла полнѣйшее убѣжденіе въ томъ, что дѣти вообще понимаютъ гораздо болѣе, нежели то воображаютъ воспитатели, относящіеся къ нимъ какъ начальство. Понимаютъ—въ общихъ чертахъ; сложность отношеній, тонкость оттѣнковъ ускользаютъ отъ нихъ, т.-е. все, для пониманія чего

требуется опытъ; но многое дѣти видятъ вѣрно и даже замѣчаютъ ускользнувшее отъ взрослыхъ, что естественно, потому что меньшее количество предметовъ занимаетъ дѣтское вниманіе. Притомъ, національный патріотизмъ и, вдобавокъ, на воинственной подкладкѣ доступенъ уму на очень низкой степени развитія. Нашъ дѣтскій кружокъ былъ пропитанъ понятіями служакъ Николаевскаго времени, и пропитывался ими не по предписанію, но непосредственно и почти безсознательно. Мы гордились, что мы русскіе; какъ ни были привязаны къ инымъ товарищамъ нѣмцамъ или англичанамъ, даже признавая личное превосходство *A*, или *B* надъ нами, мы были все-таки непоколебимо убѣждены, что мы, какъ русскіе, выше ихъ и непремѣнно докажемъ это, когда выростемъ. Мы вели патріотическіе споры съ товарищами-иноплеменниками, разрѣшавшіеся очень часто кулаками. Умалчивая о парламентскомъ способѣ рѣшенія, о которомъ свидѣтельствовали иногда улики на лицѣ, мы передавали старшимъ парламентскіе аргументы, досадовали на оплошность и проглядыванье болѣе вѣскихъ, неизбѣжныя въ пылу преній. Насъ слушали съ интересомъ старшіе, одобряли или указывали промахи, мы смѣли разсуждать; изъ подчиненныхъ, обязанныхъ безпрекословно повиноваться, мы превращались въ младшихъ соотечественниковъ, имѣвшихъ общіе интересы съ старшими; я была уже не только дѣвочка, не дерзавшая разсуждать, но русская, хотя и маленькая. Съ общечеловѣческой точки зрѣнія можно вознегодовать на это внѣдреніе узкаго патріотизма, ставившаго насъ съ дѣтства во враждебное отношеніе къ милліонамъ иновѣрцевъ и чужеземцевъ, на это калѣченіе ума, съуживанье сердца. Но въ то время это внѣдреніе расширяло сердце и питало умъ. Мы думали о милліонахъ своихъ, которые жили до насъ, живутъ въ одно время съ нами—и все это *свои*; эти свои вставали какъ одинъ человѣкъ, когда надо было защищать свое отечество, свою вѣру; и, если надо будетъ, снова встанутъ, какъ одинъ человѣкъ. Товарищи мои и я, благодаря этому рано пробужденному чувству патріотизма, были спасены отъ дѣтской пошлости, отъ ранней житейской мудрости, какими были испорчены до мозга костей столь многіе ровесники и ровесницы наши, посѣщенія которыхъ были для насъ непріятнымъ вторженіемъ въ нашъ кружокъ и обязывали насъ держаться «дипломатически».

Исторіей Карамзина и многими другими не дѣтскими книгами зачитывались не только мои товарищи и я, но и дѣти, родившіяся на добрый десятокъ лѣтъ позже насъ, и я слышала отъ нихъ, уже зрѣлыхъ людей, что они не вынесли ничего, кромѣ пользы. Непо-

нятое будило жажду понять; плохо понятое понималось черезъ нѣсколько времени вѣрно; они учились поправлять свои ошибки. Я не думаю рекомендовать наше чтеніе дѣтямъ девяностыхъ годовъ: каждой порѣ свои птицы и свои пѣсни,—я просто желаю дать очеркъ нашего умственнаго роста и показать, какъ важно внушать дѣтямъ идеалы, поднимающіе ихъ надъ житейскою заурядностью.

Отецъ училъ Закону Божію самъ, и на эти уроки былъ опредѣленъ воскресный день, который у насъ свято соблюдался. Часъ, а потомъ полтора до обѣдни мы учили катихизисъ, читали евангеліе съ отцомъ; а если погода или здоровье не пускали въ церковь, то должны были все время обѣдни читать священную исторію, сокращенную для дѣтей. Отецъ началъ-было читать библію со мной на славянскомъ языкѣ, читать на которомъ выучилъ меня очень рано; но нѣкоторыя подробности изъ жизни патріарховъ заставили его отложить библію, замѣтивъ, что я мала еще, чтобы читать безъ него, и купить мнѣ сокращенную священную исторію. Катихизису я училась по тому, по которому учился и отецъ, и дѣды временъ Екатерины II. Впрочемъ, я его выучила наизусть не отъ доски до доски, а выбранныя мѣста.

Уроки Закона Божія поддерживали во мнѣ религіозное настроеніе, которое явилось во мнѣ съ семи лѣтъ и, какъ это ни покажется страннымъ, не подъ вліяніемъ отца; но объ этомъ я поговорю далѣе. Теперь-же обращусь къ другой сторонѣ воспитанія—къ эстетической, которая понималась и велась у насъ, да большею частью и вообще въ барскомъ и чиновничьемъ кругу, крайне вульгарно, причемъ эстетика играла только служебную роль для цѣли изготовить интересный и граціозный товаръ на рынокъ невѣстъ. Въ ошибкахъ господствовавшей тогда системы эстетическаго воспитанія дѣвочекъ надо отчасти искать объясненіе факта, который такъ злорадно раздували враги господствующаго въ 60-хъ годахъ направленія—демократическаго презрѣнія къ внѣшности, неэстетичности манеръ, голоса, рѣчи. Одна, намозолившая душу, крайность порождаетъ противуположную. У насъ, вслѣдствіе домашнихъ условій, крайность доходила до размѣровъ, воистину мучительныхъ для дѣтей. Я говорила уже выше о вліяніяхъ великосвѣтскихъ преданій тетки, жившей у насъ, культѣ матери, видѣвшей въ нихъ идеалъ для воспитанія насъ. Другихъ дѣвочекъ этому обучали гувернантки, большею частью наемницы, формально исполнявшія свое дѣло. Наши воспитательницы клали въ дѣло свою душу,—тетка тѣмъ болѣе, что эстетическій отдѣлъ былъ единственною областью, отведенной ей, а она такъ тяготилась пустотою и безцѣльностью жизни

старой дѣвы. Но все это мною было понято позже, въ зрѣломъ возрастѣ, а въ дѣтствѣ это было пыткой. Разъ въ недѣлю или въ двѣ мы брали уроки танцевъ, вмѣстѣ съ товарищами и знакомыми, и, кромѣ того, раза два въ недѣлю насъ учила танцамъ тетка, и мать неизмѣнно присутствовала на урокѣ. Передъ праздниками готовились сюрпризы, разучиванье характерныхъ танцевъ, и уроки удваивались. Кромѣ обыденной, требовалась еще особенная грація.

Грація — дѣло хорошее; угловатость и грубость — непріятны, и красота лучше безобразія, и если-бы все сводилось на смягченіе дѣтской порывистости и рѣзкости движеній и выработку болѣе мягкихъ и красивыхъ, но не манерности, въ которой нѣтъ красоты, то можно-бы было возразить только противъ одного—несоотвѣтственной траты времени на этотъ, далеко не первостепенный, предметъ воспитанія. Притомъ, естественная грація — даръ природы, воспитаніе привить его не можетъ; оно можетъ только научить простотѣ, ловкости движеній, отъ которой далеки рѣзкость и угловатость, несущія и трату силъ, несоотвѣтствующую движенію, и слѣдовательно, неловкость. Ловкія, не угловатыя движенія, если не поразятъ изяществомъ, не поразятъ и противуположною крайностью. Я была неловка на глазахъ старшихъ въ силу вѣчнаго чувства стѣсненія и при первой нередышкѣ вырывалась, какъ дикая коза, «сорвавшаяся съ цѣпи». Это ощущеніе стѣсненія дѣлало меня крайне неловкой въ глазахъ старшихъ, и учитель танцевъ замѣтилъ, что я не то, что другіе ученики и ученицы, а именно, что я танцую всего лучше, когда на меня не смотрятъ. Въ дѣтскихъ играхъ, на гигантскихъ шагахъ, на веревочкѣ, въ бѣганьи природа не обидѣла меня ни ловкостью, ни силой. Но, на бѣду, я была головой выше ровесницъ, неуклюже сложена отъ скораго роста, съ непомѣрно длинными ногами и руками, которыя никакъ не закруглялись въ граціозныя движенія качучи, и по росту я кидалась всѣмъ въ глаза. Притомъ, въ силу великосвѣтскихъ преданій, требовалась спеціальная грація княжны Д. или графини Ш. и не принималось въ соображеніе, что граціозное для одного ребенка выйдетъ ломаньемъ для другого. Уроки были пыткой дрессировки, а не здоровымъ физическимъ упражненіемъ. Насъ тянуло бѣгать, прыгать, а мы послѣ 2—3-часового напряженія за уроками должны были выносить новое напряженіе; всего несноснѣе были менуетъ съ его реверансами, качуча съ ея извиваньями и выгибаньями, а къ двѣнадцати годамъ—балетные *pas de châle* и *pas de couronne*, при чемъ шаль изображалъ первый попавшійся платокъ, а вѣнокъ—кружокъ изъ скрученной жгутомъ бумаги. По поводу pas de châle я вперт-

вые услышала имя баронессы Крюднеръ, плѣнявшей этимъ танцемъ парижскій beau monde. И тутъ-же отъ отца услышала, что она раскаялась въ жизни суеты и всю жизнь дѣлала добро, хотя и заблуждалась въ вѣрѣ.

Къ счастью, — хотя въ пору дѣтства это было несчастьемъ, и очень горькимъ для насъ, — воспитательницы своею раздражительностью и неумѣньемъ понимать дѣтскую душу въ корень подрывали собственное вліяніе. Уголъ, въ который меня отправляли за неудачные извивы качучи или медвѣжьи прыжки въ болеро, былъ избавленіемъ отъ вытягивавшихъ душу упрековъ въ неблагодарности, упрямствѣ и лѣни. Уроки балетныхъ танцевъ, начатыя съ пятилѣтняго возраста, покончились на моемъ тринадцатомъ году. Тогда уже у меня сложились свои опредѣленные идеалы жизни и свой кодексъ правдиваго и разумнаго. Я покончила со всѣми *падешалями*, — какъ мы нарочно коверкали названіе это, производя его отъ слова *шаль* не въ смыслѣ принадлежности танца, а отъ *шальной*. Остались только уроки манеръ—какъ входить, кланяться, садиться, вставать, брать какую-либо вещь, передавать, и окончились, когда мнѣ минуло 15 лѣтъ и меня стали вывозить на вечеринки, потому что тогда убѣдились, сколько натянутости и деревянности развиваютъ во мнѣ эти уроки, которые, по мнѣнію учительницъ, шли въ прокъ моимъ сверстницамъ, даже гораздо менѣе способнымъ дѣвочкамъ. Я во время скучныхъ уроковъ думала о своемъ, машинально исполняя требуемое. Когда-же приходилось осуществлять уроки при гостяхъ, я думала объ урокахъ этихъ, чтобы избѣжать грозы; выходило неестественно. Невозможно было то милое оживленіе, какое требовалось отъ барышни комъ-иль-фо: нельзя было сохранять любезную находчивость и вниманіе къ равнымъ, почтительную предупредительность къ старшимъ, — эту печать благовоспитанности, и милая causerie такъ и осталась чуждымъ мнѣ талантомъ. На моихъ глазахъ уроки граціи исковеркали врожденную грацію одной ровесницы; слѣпое восхищеніе родителей, восторги знакомыхъ, на половину дѣланные, и то преувеличенное значеніе, какое кружокъ знакомыхъ придавалъ граціозности, убили въ дѣвочкѣ всякую естественность. Она только и думала о томъ, что ею любуются, она не дѣлала ни одного движенія просто, и только извращенный вкусъ могъ восхищаться ея ужимками и манерничаньемъ.

Кромѣ вреда въ эстетическомъ отношеніи, уроки эти могли принести мнѣ и глубокій вредъ въ нравственномъ, если-бы не было другихъ. Ежедневно крупный процентъ времени отдавали внѣшности, по-

казному. Онъ оказывался еще крупнѣе, если прибавить къ часамъ уроковъ время, потраченное на пространныя нравоученія о важности граціи plus belle que la beauté, о необходимости пріобрѣтать даръ этотъ. Хотя причины необходимости не разъяснялись, но изъ разговоровъ матери съ родственницами и знакомыми мы отлично понимали причины эти. Цѣлью всего было приготовить насъ блистать на балахъ и нравиться. Въ дѣтскія головы полными пригоршнями бросались сѣмена тщеславія, суетности, и, кромѣ того, уроки эти были вредны уже тѣмъ, что занимали время, которое могло-бы быть употреблено съ большею пользою, хотя-бы на естественныя дѣтскія игры.

О вліяніи отца, парализовавшемъ эту сторону воспитанія, я уже говорила; я должна сказать еще о дядѣ — братѣ матери. Это былъ человѣкъ умный, однихъ патріотическихъ взглядовъ съ отцомъ, горячій и пьяница, какъ вообще талантливыя натуры безъ спеціализаціи талантливости. Все смѣшное и глупое вызывало въ глазахъ его искорки затаеннаго смѣха, дѣйствовавшія на меня такъ-же, какъ и отцовское изреченіе: суета суетъ. Когда дядя приходилъ подъ хмелькомъ, онъ садился въ уголъ и, крутя усъ и раскачиваясь, курнякалъ вполголоса почти всегда свои мысли о происходившемъ передъ глазами его, но въ такихъ нечленораздѣльныхъ звукахъ, что я не скоро выучилась разгадывать смыслъ ихъ. Выучившись, я слышала явственно въ звукахъ: «у-у-о-о-и-та-а-е-е-е-ни-и-и-ц-ы-ы», ироническое: воспитательницы; иронической тонъ комментировался взглядомъ, полнымъ сожалѣнія, когда мнѣ сердито и очень чувствительно выворачивали руки и ноги и осыпали еще болѣе чувствительными упреками въ неблагодарности и злобномъ упрямствѣ, вызывавшими на глаза тщетно подавляемыя слезы обиды, злобы и горя. Разъ я не выдержала и, угадавъ «воспитательницы», громко расхохоталась. Дядю изгнали въ другую комнату, замѣтивъ ему неприличіе являться не въ своемъ видѣ при дѣвочкахъ. Я слышала отвѣтъ. «Что—мое? мое цвѣточки, а вы ягодкамъ учите». Дядя не былъ религіозенъ, и этотъ взглядъ его на наше воспитаніе обосновывался мотивами вполнѣ реальными.

Нравственный міръ нашъ складывался всего болѣе подъ вліяніемъ отца; но были и другія вліянія. Сестра на всю жизнь осталась религіозной въ духѣ отца, но значительно смягчивъ то, что было неумолимаго въ его религіи; масонство молодости испарилось въ отцѣ; окружавшія его неправда и зло окружающей жизни мрачно настрои-

ли его, и онъ часто говорилъ о Богѣ, карающемъ зло. Онъ грозилъ Имъ за суету суетъ въ семьѣ, а мнѣ—за мои вспышки упрямства и гнѣва. Вѣчность кары пугала меня, казалась несправедливостью; онъ говорилъ: не разсуждай, но вѣрь. Вотъ почему не онъ вызвалъ во мнѣ религіозное настроеніе, которое, начавшись на восьмомъ году, длилось лѣтъ шесть. Вызвала его встрѣча съ больною Анною Павловною.

Мы переѣхали на дачу въ слободу, на косѣ. Хозяйская дочь, двадцатилѣтняя дѣвушка, года три лежала безъ движенія, страдая иногда мучительными ревматическими болями. За ея кроткое несеніе страданія, за любовь ко всему окружающему, ее считали святой въ слободкѣ. Женщины, а иногда и мужчины изъ слобожанъ шли къ ней за совѣтомъ, она примиряла ссоры въ семьѣ, просто, любовно увѣщевала блудныхъ дѣтей покаяться, суровыхъ родителей—открыть объятія кающимся. Она не любила злословія и осужденій. Дѣти очень чутки на все выдающееся изъ заурядности. Я въ первый разъ въ жизни встрѣчала существо, которое вселяло такое сильное уваженіе; отецъ почти съ почтеніемъ относился къ Аннѣ Павловнѣ, и также нашъ пестунъ Иванъ, объявившій съ перваго-же дня знакомства, что А. П. не то, что весь женскій полъ. Мнѣніе взрослыхъ сильно дѣйствуетъ на дѣтей, и это помимо всякихъ педагогическихъ цѣлей и внѣ круга, отмежеваннаго оффиціальною педагогикой. Общее уваженіе возбудило во мнѣ сильный интересъ къ А. П. и я принялась присматриваться къ ней. Вскорѣ я сильно привязалась къ ней и вмѣстѣ съ тѣмъ восторженно поклонялась ей. Меня поразила ея милая улыбка и любящій взглядъ голубыхъ прекрасныхъ глазъ. Красоту лица я чутко понимала для своихъ лѣтъ и цѣнила высоко. Я никогда не видѣла ее разсерженной или хмурой. Какъ ни мучительны были страданія ея, у нея не вырывалось ни жалобы, ни крика. Я видѣла, какъ блѣднѣло лицо и искажались черты. Тогда она прерывающимся голосомъ говорила: «уходи, милая, тебѣ не хорошо быть». Я повиновалась, потому что мои убѣжденія, что я не испугаюсь, не дѣйствовали, а ослушаться А. П. было невозможно. Она взглядомъ своимъ могла дѣлать изъ меня все, что хотѣла, и самыя бурныя вспышки мои мгновенно утихали, когда она смотрѣла на меня своими ласковыми глазами, въ которыхъ моя злоба вызывала печаль. Въ этой печали не было ничего дѣланнаго, какъ въ огорченіи матери и тетки, которое онѣ напускали на себя, когда сердитые упреки не дѣйствовали. Въ А. П. не было ничего *нарочнаго*. Эта кротость, это терпѣніе поражали меня. Я видѣла, какъ бѣдно жили онѣ, знала, что прежде жили,

не зная нужды, знала, что городской домикъ, главный источникъ средствъ, у нихъ оттягиваютъ по какой-то плутовской роспискѣ; домикъ сгорѣлъ во время пожара, уничтожившаго нѣсколько бѣднѣйшихъ кварталовъ, и Анна Павловна перенесла это съ всегдашнею покорностью Провидѣнію, жалѣя только о матери и старой теткѣ.

Передъ такою кротостью и такимъ терпѣніемъ мои вспышки казались мнѣ преступленіемъ и я начала считать себя страшной грѣшницей. Меня терзалъ страхъ ада. Я ничего не сдѣлала хорошаго—мнѣ это твердили родные со всѣхъ сторонъ; я только думала о томъ, чтобы дѣлать то, что мнѣ пріятно, училась хорошо, потому что мнѣ это нравилось; моему самолюбію льстило удивленіе, вызванное успѣхами. Если я умру, то пойду въ адъ. Анна Павловна—и та считала себя грѣшницей и говорила, что надѣется только на милость Божію. А. П. замѣтила это мрачное настроеніе, вызвала на откровенность и успокоила словами: «Богъ нашъ отецъ, онъ не такъ судитъ, какъ люди; исправляй себя и молись». Молиться было для меня легче, чѣмъ исправлять себя; не смотря на мое твердое намѣреніе умирить свой горячій нравъ, я часто впадала въ искушеніе, и за-то тѣмъ усерднѣе молилась. Я узнала наслажденіе молитвенныхъ экстазовъ, за лазурью неба видѣла Бога, и мнѣ чудились ангелы, слетавшіе въ снопѣ солнечныхъ лучей утѣшать меня. До этого состоянія я дошла послѣ одного сновидѣнія, оставившаго сильное впечатлѣніе. Выдался какой-то особенно тяжелый день, я дурно вела себя, и еще при гостяхъ, что̀ отягчало вину даже въ глазахъ отца,—не съ точки зрѣнія свѣтскихъ приличій, но психологической: чужой человѣкъ все-таки узда; притомъ я нарушила вспышкой долгъ гостепріимства: гостья, нелюбимая мною дѣвочка, запросилась домой, соскучивъ моею невольною невнимательностью, ибо былъ полученъ новый нумеръ «Звѣздочки», который тянулъ меня съ неудержимой силой. По отъѣздѣ гостей, я «взбунтовалась» совсѣмъ и объявила, что не могу быть любезной съ такой скучной дѣвочкой, да еще дрянной. Она меня чѣмъ-то ужасно возмутила. Чѣмъ—не помню, но помню, что я отказалась мотивировать свое негодованіе. День былъ удушливый, мать жаловалась на духоту и всегда бывала раздражительна въ эти дни. Не помню, чтобы въ дѣтствѣ грозовые дни дѣйствовали на меня; въ молодости нервы мои не страдали въ эти дни и только въ старости болѣзнь вызывала предчувствіе грозы. Не то было съ сестрой, слабымъ ребенкомъ, которая поссорилась съ гостьей; я вступалась за сестру. Словомъ, были мелочи, которыя были раздуты въ гору,—съ одной стороны, нервничаньемъ въ грозовый день, съ другой—мистицизмомъ и

дисциплиною добраго стараго времени, видѣвшимъ и загробную, и догробную гибель въ моихъ вспышкахъ возмущенія. Отцу надо было ѣхать въ городъ и некогда было судить насъ. Онъ на другой день прислалъ изъ города письмо мнѣ и сестрѣ. Это одно повергло меня въ ужасъ. Что-же сталось, когда я прочла въ письмѣ обличеніе моего вчерашняго поведенія съ указаніемъ на послѣдствія ихъ догробныя и загробныя. Тонъ письма былъ болѣе скорбный, чѣмъ гнѣвный, и я знала, что отецъ говоритъ все *всамдѣлишно*, а не нарочно. Догробныя послѣдствія, что всѣ окружающіе меня не будутъ любить меня за мой нравъ, не особенно смутили меня. Иванъ меня любилъ, несмотря на мои вспышки, няня то-же, отецъ не грозилъ разлюбить, но писалъ, что мы ему можемъ быть крестомъ, если не исправимся. О матери и теткѣ какъ-то никогда не думалось мнѣ въ знаменательные моменты дѣтской жизни, и только когда я успокаивалась отъ вынесеннаго волненія, я долга ради вспоминала и о нихъ. Загробныя послѣдствія повергли меня въ ужасъ. Я бросилась на колѣни къ кровати своей, уткнулась лицомъ въ подушку и рыдала безъ словъ, но въ душѣ какой-то голосъ въ отчаяніи взывалъ: «Господи, помилуй». Въ эту-то ночь я и видѣла вѣщій сонъ страшнаго суда, трубные звуки—отголоски далекой грозы, бушевавшей на морѣ, и грознаго ангела съ вѣсами. Увы! чашка съ моимъ нравственнымъ дебетомъ—чуть не стопа рукописаній,—амплификація грознаго отцовскаго письма,—низко-низко опустилась; другая—пустая взлетѣла высоко. Я въ трепетѣ пала ницъ; мнѣ чудилось, что чьи-то ледяныя руки хватаютъ меня и влекутъ внизъ, въ зіяющую бездну мрака, и въ то-же время я не сводила глазъ съ вѣсовъ. Свѣтлый ангелъ съ любящимъ взоромъ бросилъ въ пустую чашку единственный и первый гривенникъ, полученный мною и опущенный въ ящикъ для пріютскихъ сиротъ. Весь этотъ страшный день, перебирая свои преступленія и напрасно ища добрыхъ дѣлъ, я забыла объ этомъ гривенникѣ, и только во снѣ вспомнила о немъ. Чаша добра моего чуть-чуть опустилась. Я приподняла голову и ждала мучительно. Добрый ангелъ съ любящими глазами—голубыми глазами А. П—ны—бросилъ поверхъ гривенника свитокъ съ надписью: молитвы и покаяніе ея. Онъ перевѣсилъ,—немного, правда, но все-таки перевѣсилъ чашу съ моими грѣхами. Сверху, изъ того сіянія, къ которому я не смѣла поднять глазъ, торжественно прозвучало: прощена! Восторженная радость потрясла меня всю—и я проснулась, вся облитая потомъ, разбитая. Когда я нѣсколько отдышалась, я горячо помолилась и заснула крѣпкимъ сномъ. На другой день я встала съ свѣтлой радостью на душѣ, давъ себѣ клятву

быть доброй, терпѣливой и кроткой, какъ Анна Павловна, и нѣсколько дней сдержала слово, такъ что Ольга спрашивала съ удивленіемъ, что сталось со мной, что я такъ тиха, а мать и тетка стали подозрительно слѣдить, не затѣваю-ли я особенно эффектной шалости. Мы, вообще, напускали на себя благонравіе, когда затѣвали что-либо нелегальное.

Я не могла не подѣлиться своею радостью съ Анной Павловной, но не скоро рѣшилась. Она не сразу поняла, за что меня такъ казнила совѣсть. Пришлось разсказать многое. У нея на глазахъ навернулись слезы, но мнѣ она не сказала ни слова, кромѣ слѣдующаго:d «Не мучайся, голубочка, Богъ судитъ не какъ люди, Онъ—Отецъ; Онъ тебѣ послалъ великую милость». Не знаю, сказала-ли она отцу обо всемъ, или подѣйствовалъ рапортъ Ивана и Ольги о томъ, что я весь день послѣ письма была сама не своя и ночью рыдала, стонала и металась, но такихъ писемъ я болѣе не получала отъ отца. Послѣ я видѣла не разъ во снѣ сіяніе и сквозь золотую дымку благодушно смотрѣвшее на меня лицо старца съ сѣдой головой въ вѣнцѣ изъ солнечныхъ лучей. Онъ не походилъ на неумолимаго судью, обрекавшаго людей на вѣчныя муки за временное зло. Я стала религіозной дѣвочкой, молилась часто и всего лучше подъ окрытымъ небомъ, или въ виду моря, или въ рощѣ, забѣжавъ далеко отъ старшихъ. Меня стали распекать, зачѣмъ я пугаю ихъ, прячась за кусты, зачѣмъ я подолгу стою съ безсмысленно вылупленными глазами, уткнувшись въ одну точку. Я была чуть-ли не рада страдать за свою вѣру.

Съ одной стороны, настроеніе это приносило пользу, вырабатывая привычку отдавать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ и, по возможности, правдиво судить себя; съ другой стороны—грозило опасностью пріучить дѣтскій умъ къ восторженности, созерцаніямъ. Отъ нея спасалъ запасъ здоровыхъ силъ, и послѣ восторга, въ который меня приводила золотая лѣстница къ небу изъ солнечныхъ лучей, я не утрачивала способности приходить въ восторгъ другого рода, найдя семью щенковъ или днище старой бочки, изъ котораго съ помощью бревна мы сколачивали прекрасный столикъ въ нашъ собственный садикъ. Была опасность другого рода—самовозвеличенія и гордыни, и А. П. не только не спасла меня отъ нея, но еще подвела къ ней, не смотря на всѣ предостереженія ея противъ гордыни и поученія о смиреніи. Смирялась я передъ Богомъ, трепеща своего ничтожества предъ Нимъ, но что касалось моихъ сверстниковъ, то я не могла отбиться отъ мысли, что я избрана Богомъ, вижу свѣтъ, а они сидятъ во тьмѣ. А. П. проговорилась, что знала только еще одну та-

кую, но та была старше меня на два года. И никто не сказалъ мнѣ тогда, что въ Россіи милліоны и милліоны дѣвочекъ, которыхъ А. П. знать не могла, и, конечно, въ числѣ ихъ есть много превосходившихъ меня ревностью къ спасенію души...

Естественно, что во мнѣ явилось рвеніе пропаганды, которое обратилось на Ольгу и Ивана; полнѣйшее равнодушіе ихъ и замѣчаніе Ивана: «поживи-ка съ мое—и тогда учи» заставили меня обратить свою проповѣдническую дѣятельность на товарищей. Но они пріѣзжали рѣдко и привозили столько важныхъ плановъ, которые надо было привести въ исполненіе на нашей дачкѣ или въ ихъ городскомъ саду, столько разсказовъ о штукахъ съ гувернантками, столько вѣстей о знакомыхъ дѣтяхъ, что проповѣдническій жаръ испарялся. Я видѣла, что время неудобно, но удобнаго какъ-то и не оказывалось. Надо было бѣжать на берегъ моря, собирать запасы выброшеннаго волнами тростника, камешки, раковины. Совѣсть упрекала меня за мое равнодушіе и я въ виду моря попыталась заговорить о Богѣ; большой пріятель мой, Володя, равнодушно замѣтилъ: «Вотъ, новость сказала! Извѣстно, Богъ создалъ все», и принялся швырять камешки въ море. При повтореніи онъ спросилъ меня: «Да что ты, въ попы, что-ли, собираешься?» Насмѣшка подожгла мое рвеніе. Въ слѣдующій пріѣздъ онъ разсказалъ мнѣ, что гувернантка, подслушавъ ихъ толки о томъ, что я собираюсь въ попы, передала все отцу ихъ, который замѣтилъ, «что этого можно было ожидать, у моего отца—манія замаливаться. Человѣку надо забыться, жизнь не красна—ну, каждый и утѣшается тѣмъ, что ему понравится; а для дѣтей это даже вредно. Онъ зналъ случаи религіознаго идіотства». Въ пылу негодованія, я отвѣчала, что отецъ его слѣпой и идетъ къ гибели и губитъ и ихъ. Возраженіемъ былъ ударъ кулака, и я преступно нарушила заповѣдь: не убій. Товарищи растащили меня съ Володей, заслышавъ, что старшіе идутъ на шумъ. Трусость считалась у насъ позоромъ. Володя словами: «дѣвчонка, струсишь!»—заставлялъ меня кидаться на самыя головоломныя штуки, и я всегда шла второй, непосредственно вслѣдъ за нимъ, неизмѣннымъ зачинщикомъ; братъ его, старше насъ обоихъ, шелъ третьимъ.

Однажды, въ порывѣ религіознаго экстаза, ожидая чуда, я перевѣсилась черезъ окно,—ростъ мой занялъ немногимъ болѣе трети высоты,—отпустила руки и упала. На бѣду, мать моя, которая только-то пошла въ городъ, вернулась, чтобы наказать еще что-то по части нашей охраны, и увидѣла мой полетъ. Она всю жизнь не могла забыть тона, какимъ, на ея испуганный вопросъ: «зачѣмъ ты это сдѣ-

лала?»—я отвѣчала: «захотѣла». При полетѣ своемъ я не приняла въ соображеніе крапиву, чуть не въ аршинъ, густо росшую подъ окномъ, и вышла изъ нея въ такомъ жалкомъ видѣ, что родители нашли меня достаточно наказанной и я была избавлена отъ розогъ.

Розга даже для дѣвочекъ входила въ педагогическую систему отца и рекомендовалась, при извѣстной торжественности, предписанной рукописнымъ переводомъ дѣда. Розги мы боялись, но не ради боли. Боль отъ сильныхъ ушибовъ, царапинъ и ссадинъ, сдиравшихъ не только кожу, но иногда мясо, мы умѣли сносить спартански, и послѣ невольнаго крика, вырваннаго неожиданностью, мы умѣли подавлять и крикъ, и слезы, чтобы скрыть бѣду. Нравоученія и выговоры, тянувшіе душу, были несноснѣе боли и кончались запрещеніемъ игры, въ которой мы ушиблись. Доставалось и товарищамъ.

Мать и тетка не держались никакой опредѣленной системы: подвернешься въ несчастную минуту—и тогда имъ припомнится необходимость сломить мой характеръ. Удавалось Ивану или Ольгѣ, посланными за розгой, промѣшкать, что они всегда дѣлали, но не всегда удачно,—раздраженіе успѣвало улечься и необходимость переставала быть настоятельной. Отецъ вносилъ систему и наказывалъ очень рѣдко. До моего душеспасительнаго настроенія я дико кричала отъ злости; раздраженныя и блѣдныя лица матери и тетки вліяли заразительно. И безъ ихъ упрековъ, что онѣ вынуждены поступать со мной, какъ съ скотиной, которую бьютъ, я чувствовала горько все униженіе быть битой. По окончаніи кары, оставленная одна, въ виду стульевъ и брошенной на полъ розги, я чувствовала бѣшеное желаніе все разбить, разметать. Тѣмъ мучительнѣе чувствовала я позоръ наказанія, что не признавала за собой никакой вины, заслуживавшей его. Послѣ знакомства съ Анной Павловной я сносила наказанія терпѣливо, воображая, что страдаю ради Христа; но все же больно ощущала несправедливость. Дѣти, на основаніи собственнаго сознанія и того, что узнаютъ о порядкахъ жизни товарищей, составляютъ свой кодексъ морали. Ябедничество и фискальство—это былъ абсолютный позоръ, которымъ мы не пачкали себя. Денегъ или вещей мы не таскали, чтобы потомъ проѣсть на сласти,—это было признано воровствомъ. Походы на кладовую или даже чужой огородъ не считались проступкомъ an sich und für sich и формально только признавались таковымъ, какъ нарушеніе дисциплины. Намъ объясняли, конечно, что это нарушеніе заповѣди «не укради», но такое примѣненіе ея, отвлеченно понятое, не укладывалось конкретно въ нашихъ головахъ, и только подъ вліяніемъ Л. Н—ны я прониклась сознаніемъ грѣховности такихъ походовъ и,

пока длилось мое душеспасительное настроеніе, нерѣдко воздерживалась отъ нихъ, не смотря на насмѣшки надъ ханжествомъ моимъ, или горько каялась, впадая въ искушеніе. Не смотря на дисциплину, общій уровень культурности вліялъ на дѣтей. Ловко стащить что-нибудь съ чужой гряды считалось шалостью, а если еще садъ охранялся собакой или сторожемъ, то и молодечествомъ. Меня сѣкли за упрямство, сестру за лѣнь, которая была развита въ ней непосильными для слабаго ребенка уроками. По дѣтскому кодексу нашему, сѣченье за лѣнь признавалось справедливымъ: не могли-же старшіе допустить, чтобы дѣти росли неучами, «мужиками». Сѣченье-же за упрямство считалось местью старшихъ, и вызвать его значило выказать молодечество, стяжать въ товариществѣ листокъ вѣнка славы. Уступить, покориться, когда грозили розгами, значило струсить. Тутъ не помогала мнѣ и пятая заповѣдь, и я съ восхищеніемъ слушала разсказъ товарищей о томъ, какъ Володя, высѣченный по жалобѣ гувернантки за дерзость его, на ея поученіе о томъ, что онъ не долженъ доводить ее до такой крайности, отвѣчалъ съ своей насмѣшливой улыбочкой: «Всенепремѣнно постараюсь при первой-же возможности». Вся система, въ сущности, была направлена къ развитію дѣтскаго упрямства—подъ видомъ искорененія его. Варварскаго сѣченія, которое было лозунгомъ воспитанія во многихъ изъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній, не могло быть ни у насъ, ни у родныхъ, да и сомнительно, чтобы оно могло сломить иные дѣтскіе характеры изъ нашего кружка. Вѣрнѣе—привело-бы къ какой-нибудь чудовищной вспышкѣ. Мы понимали, что обязаны слушаться, когда насъ учатъ дѣлу; но не признавали, чтобы нужно было слушаться всѣхъ приказаній и дѣлать то, чего намъ дѣлать не хочется, только потому, что того хотятъ взрослые. Мы философствовали:—сегодня хотятъ одно, а завтра другое. Былъ еще камень преткновенія: мы не терпѣли выставки нашихъ талантовъ при гостяхъ. Володя иногда прямо объявлялъ: мы не ученыя собачонки, чтобы плясать на потѣху, и уходилъ, чуть тетка моя требовала менуета.

Розга осложнялась очень непріятнымъ обычаемъ, существовавшимъ только у насъ; всегда въ печуркѣ огромной лежанки въ нашей дѣтской торчалъ тощій пучокъ розогъ. Не знаю, рекомендовалъ-ли это нѣмецкій педагогъ, но такъ водилось въ дѣтствѣ отца—и онъ почтительно хранилъ свои семейныя преданія. Этотъ пучокъ розогъ, котораго я не видала никогда у товарищей, глубоко унижалъ насъ. На мои доводы, что этого нѣтъ ни у кого изъ товарищей, отецъ отвѣчалъ, что никто ему не указъ: онъ поступаетъ по своей совѣсти. Когда мы ждали товарищей, я

всегда, взлѣзши на стулъ, такъ глубоко, насколько могла, запихивала розги въ печурку. Тогда не миновать было угла. И какое горькое чувство сжимало горло, когда исчезновеніе розги замѣчалось при гостяхъ, и та снова водворялась на мѣстѣ! Дисциплина требовала этого наказанія за самоуправство и самовольство, при чемъ намъ дѣлалось замѣчаніе, что если-бы мы попросили, то ради гостей было-бы позволено спрятать розгу; но просить я не любила. Вообще отецъ не долюбливалъ дѣтскія просьбы на томъ основаніи, что родители заботятся о томъ, чтобы у насъ было все нужное; слѣдовательно, просьба оказывалась какъ-бы заявленіемъ недовольства. Я терпѣть не могла просить чего-нибудь, и только страсть къ писанію и рисованію пересиливала отвращеніе просить бумаги и карандашей сверхъ положеннаго. О розгѣ я-бы не заикнулась просить, потому что считала вѣчное торчаніе ея на показъ обидною несправедливостью. Этого я не видѣла ни у кого, даже въ домѣ Т., который варварски сѣкъ дѣтей. Товарищи еще бередили больное мѣсто насмѣшками. Володя, когда находилъ стихъ дразнить, нарочно вытаскивалъ розгу. Переселившаяся къ намъ тетка настроила мать убѣдить отца объ отмѣнѣ такой педагогической мѣры, оскорблявшей ея великосвѣтскія преданія и приличной «грубому матросу», какъ она звала иногда отца, поднимая во мнѣ бурю негодованія.

Мое религіозное настроеніе не охладѣло и по переѣздѣ въ городъ, хотя не съ кѣмъ стало перебирать по вечерамъ прегрѣшенія, содѣянныя въ продолженіи дня, и перебирать ихъ съ цѣлью покаянія въ вечерней молитвѣ. Если-бы я находилась исключительно и постоянно подъ вліяніемъ Анны Павловны, то могла-бы впасть въ крайность копанья въ своемъ душевномъ мірѣ. Но въ той мѣрѣ, въ какой мнѣ пришлось находиться подъ вліяніемъ этимъ, оно принесло мнѣ пользу, пріучивъ вникать въ свои побужденія, не отводя себѣ глаза изъ самолюбія или собственной выгоды, но ища только правды. И этотъ складъ остался на всю жизнь и сослужилъ мнѣ службу при выработкѣ міросозерцанія другого берега. Работать приходилось самоучкой. Теряясь въ хаосѣ противорѣчивыхъ мыслей, поднятыхъ критическими взглядами разныхъ литературныхъ лагерей, не имѣя научнаго критерія для распознаванія логичныхъ отъ нелогичныхъ, я опасалась, что склоняюсь къ тѣмъ, къ которымъ позже пришла, потому что мнѣ они были выгодны, желанны. Я тѣмъ строже повѣряла свои мысли, чѣмъ болѣе я жаждала освобожденія. Отъ этого убѣжденія сложились крѣпко и незыблемо. Каждый фазисъ развитія былъ пережитъ, а не схваченъ съ вѣтра...

Въ эту зиму меня въ первый разъ повели къ исповѣди. Мнѣ

уже минуло восемь лѣтъ, слѣдовательно, отецъ на цѣлый годъ промедлилъ исполнить предписаніе церкви. Послѣ причастія я возвратилась домой въ восторженномъ настроеніи, ожидая видѣть обновленныхъ людей. Отецъ весь день былъ необычайно мягокъ, прочіе вернулись тѣми-же, какими были всегда, и не медля по возвращеніи изъ церкви Ольгу жестоко распекли за мои плохо завитыя кудри. На другой день я проснулась, не думая о вчерашнемъ настроеніи.

Если-бы не одинъ случай въ эту зиму, то мою исповѣдь отложили-бы еще на годъ. Няню Катерину, вторично поступившую къ намъ послѣ вторичнаго приговора мужа въ арестантскія роты за дерзость противъ начальства, смѣнила ревельская нѣмка, взятая ради практики въ нѣмецкомъ. Это была красивая молодая женщина, одѣвавшаяся щегольски и смотрѣвшая совсѣмъ барышней. Она ходила въ шляпкахъ, и ее принимали за гувернантку, чѣмъ мать была очень довольна. Она прожила у насъ съ полгода, но мы къ ней не привязались, какъ къ нянѣ Катеринѣ: надоѣдала намъ необходимость говорить по нѣмецки, а мы почему-то ненавидѣли нѣмецкій языкъ, а нѣмцевъ считали трусами и лгунами поголовно. Нянька эта, не любившая насъ и вообще дѣтей, служила живымъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія и, вдобавокъ, смѣла свысока относиться къ Ольгѣ и Ивану, ѣла отдѣльно и звала ихъ часто «русска свинь». Культурныя привычки ея, правда, были выше, чѣмъ у нихъ. Нѣмка это была изгнана со скандаломъ. Она, во время прогулокъ, водила насъ въ казармы къ своему возлюбленному—унтеру, называя его братомъ, и переписывалась съ нимъ моими руками, за неумѣньемъ писать по русски. Она диктовала мнѣ по нѣмецки, а я переводила. Дѣло открыла наша неусыпная сосѣдка. Иванъ былъ отряженъ въ казарму въ качествѣ слѣдователя, и мое рукописаніе было принесено. Насъ съ сестрой удалили въ отцовскій кабинетъ, пока въ дѣтской шло слѣдствіе, выяснившее, что унтеръ не былъ ни братомъ, ни женихомъ. До насъ, черезъ анфиладу мрачныхъ комнатъ, доносился сначала притворный плачъ нѣмки, надѣявшейся разжалобить и остаться, потомъ дерзкій хохотъ, вскрикиванье матери и тетки, и мѣрный, но дышавшій сильнымъ и сдержаннымъ гнѣвомъ голосъ отца. Я еще впервые слышала въ немъ такія ноты и замирала отъ страха, что я, писавшая письмо, сдѣлала что-то ужасное, непонятное мнѣ. Я едва держалась на ногахъ, когда пришелъ отецъ и началъ, повидимому, спокойно, но съ затаенной тревогой допрашивать меня обо всемъ. Онъ видимо успокоился, узнавъ, что я писала: милый другъ, вмѣсто: милый другъ «братъ», потому что нѣмка сказала: надо скорѣе писать, и безъ того

знаетъ, что братъ. Я отдѣлалась выговоромъ, зачѣмъ писала, не спросясь, и не сказала о посѣщеніи казармъ; но я писала письма въ деревню для Ольги и Ивана, я иногда съ ними ходила въ гости въ казармы къ нянѣ Катеринѣ. Мать и тетка хотѣли допытываться у меня о томъ, что я видѣла и слышала, когда нѣмка ходила къ жениху, но отецъ остановилъ ихъ. Нервный ужасъ обѣихъ, долго еще спустя, заставлялъ меня задумываться о томъ, что было тутъ такого ужасно дурного? Отецъ не поминалъ ни словомъ эту исторію, но все-таки ускорилъ годомъ мою исповѣдь, и это при полномъ убѣжденіи въ моемъ полнѣйшемъ непониманіи содѣяннаго. Но когда-то онъ слушалъ лекціи психологіи, говорилъ, что иное оставляетъ слѣды безсознательно, и, какъ религіозный человѣкъ, прибѣгалъ къ обряду, чтобы омыть и безсознательно запачканную дѣтскую душу. Притомъ въ нашемъ кругу было много примѣровъ ранней дѣтской порчи, и случалось, что переставали приглашать иныхъ товарищей и подругъ, приходившихъ къ намъ изрѣдко играть. Священникъ сдѣлалъ мнѣ внушеніе—никогда не слушаться тѣхъ, кто совѣтуетъ дѣлать что-либо тайно отъ родителей и держать всегда свою душу открытою передъ ними.

Въ заключеніе всего сказаннаго о религіозномъ воспитаніи, какое давалъ намъ отецъ, надо замѣтить, что при всемъ убѣжденіи его въ истинѣ православія, какъ единой истинной вѣры, онъ училъ уважать и другія религіи, даже не христіанскія, но признающія единобожіе. Онъ повелъ насъ въ магометанскую молельню, въ синагогу, находившуюся въ казармѣ. Канторъ попросилъ его надѣть фуражку, потому что вѣра ихъ требуетъ, чтобы въ храмъ ихъ входили съ покрытой головой. Отецъ, надѣвая фуражку, извинился и объяснилъ, что снялъ изъ почтенія къ мѣсту молитвы, по привычкѣ входить въ свой храмъ, и Богъ одинъ отецъ всѣхъ людей и всѣ добрые люди пріятны ему, не смотря на разность вѣръ. Такіе непреднамѣренные уроки западали въ память и поднимали противорѣчіе въ душѣ. Съ одной стороны, учили насъ, что безъ вѣры во Христа нѣтъ спасенія, съ другой—что и евреи пріятны Богу. Масонская молодость отца сказывалась порой и оставляла свою закваску и въ моей вѣрѣ. Когда, позже, на урокахъ нѣмецкаго языка, я прочла «Натана Мудраго», то мудрецъ, учившій вѣротерпимости, не сказалъ мнѣ ничего новаго. «Безбожіе» и «вольнодумство» внушали ужасъ. Встрѣчая на улицѣ капитана Б., незнакомаго съ нами, извѣстнаго, по слухамъ, своею ученостью и безбожіемъ, я со скорбью и трепетомъ всматривалась въ лицо его, ища въ рыхлыхъ, добродушныхъ чертахъ и добрыхъ, вѣчно веселыхъ гла-

захъ слѣдовъ отверженія и злодѣйства. Намъ пришлось жить по сосѣдству на дачѣ и, къ неудовольствію отца, было невозможно избѣжать знакомства.

Другой экземпляръ вольнодумства и безбожія я видѣла въ одной изъ многочисленныхъ гувернантокъ, смѣнявшихся въ семьѣ дяди моей матери. Одну изъ нихъ я помню особенно живо, хотя имени и фамиліи не помню, а помню одно фиктивное отчество Николаевна, которымъ она замѣнила неблагозвучное и плебейское «Тарасьевна». Ее считали очень умной дѣвушкой; вольнодумство ея было замѣчено позже и вызвало удивленіе, какъ это она такъ хорошо даетъ уроки священной исторіи, не вѣря ни одному слову. Дѣти ее не любили за сухость и оффиціальное отношеніе къ намъ,—она считала дѣтей зловредными маленькими звѣрьками. Была причина этой дѣтской антипатіи и поглубже. Въ одинъ вечеръ Володя отозвалъ меня за ширмы, загораживавшія постель няни въ дѣтской дѣвочекъ, и подъ условіемъ строжайшей тайны сообщилъ, что Тарасьевна ни во что не вѣритъ и говоритъ, что священная исторія такая-же миѳологія еврсевъ, какъ миѳологія римлянъ или Иліада. Онъ слышалъ разговоръ ея съ кѣмъ-то изъ молодыхъ мичмановъ. О миѳологіи мы имѣли понятіе по французскимъ разсказамъ Ламе Флёри; въ то время считалось необходимымъ знать un peu de mythologie ради пониманія классической поэзіи,—et puis c'est si poétique. Замирая отъ ужаса, я слушала и думала: «О, какая она грѣшница и подлая!», а Володя, будто въ отвѣтъ на мою мысль, продолжалъ: «Подлая лгунья; на урокѣ представляется, будто вѣритъ». Дѣтское чувство правды было глубоко возмущено. Я не могла съ этой минуты безъ ужаса и негодованія смотрѣть на Тарасьевну. Она вскорѣ уѣхала къ брату, получившему гдѣ-то профессуру и звавшему ее завѣдывать хозяйствомъ.

Впечатлѣніе отъ невѣрія и безбожія Тарасьевны скоро изгладилось; но залегло и часто повторялось, вызывая неизбѣжно драку, впечатлѣніе отъ передаваемаго мнѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ, Володею отзыва отца его о моемъ, что у него религіозная манія. Объясненіе слова я разыскала въ словарѣ Плюшара, и считала это злостной ложью. А. П. говорила мнѣ, что люди, живущіе для мірскихъ выгодъ, всегда издѣваются надъ людьми, живущими для Бога. Притомъ я видѣла, что вѣра отца—дѣятельное чувство. Онъ выбиралъ изъ команды людей, въ которыхъ видѣлъ задатки, нравившіеся ему, и давалъ этимъ людямъ читать свои духовныя книги. Когда арестанты работали у моего отца, то нерѣдко въ нашей квартирѣ слышался звонъ цѣпей и конвойный вводилъ арестанта въ кабинетъ

отца. Это случалось иногда и во время урока, и я вглядывалась, по своей привычкѣ, въ лица; но трудно было что-либо прочесть на нихъ, только мнѣ они не вселяли страха. Отецъ заботливо и съ умиленіемъ спрашивалъ, понялъ-ли все и, давая книгу, прибавлялъ всегда: «Что не поймешь, спроси, когда пошабашите работать. Я буду заходить на работу». Помню, одинъ арестантъ отвѣчалъ съ чувствомъ: «Спасибо, ваше благородіе, много легче стало», и прибавилъ что-то шепотомъ. Отецъ поблѣднѣлъ и отступилъ на шагъ; потомъ подошелъ и перекрестилъ его. «Молись, Господь спасетъ отъ искушенія». Арестантъ, какъ я узнала уже взрослой, сказалъ, что чуть не наложилъ на себя руки.

Жизнь несла свои уроки, и уроки эти противорѣчили другъ другу въ глазахъ моихъ, т.-е. глазахъ дѣвочки. Когда мнѣ минуло лѣтъ семь, я видѣла одну сумасшедшую, дальнюю родственницу моей матери; она, какъ говорили, зачиталась безбожныхъ книгъ и сошла съ ума. Позже мнѣ приводили ее въ примѣръ вреда «учености» для женщины. Ученой она не была, хотя въ наше время изъ нея могла-бы выработаться выдающаяся сила. Это была одна изъ многихъ жертвъ, загубленныхъ крѣпостническимъ міромъ и невѣжествомъ, которое вѣками считается у дѣломъ женщины. Ее еле выучили грамотѣ, братья же учились въ корпусѣ. На лѣто пріѣзжали богатые сосѣди съ цѣлымъ сонмомъ гувернантокъ, гувернеровъ. Одна гувернантка пожалѣла способную молодую дѣвушку, желавшую страстно учиться, и занялась ею. Успѣхи были быстры. Зимою ученица сама шла впередъ по учебникамъ. Она могла пользоваться библіотекой сосѣдей, начиталась энциклопедистовъ; дѣтская вѣра не устояла, а жизнь была такъ темна—жизнь крѣпостниковъ, съ шутами, съ крѣпостнымъ произволомъ. Она сошла съ ума, и бредъ ея постоянно вертѣлся около одной мучительной мысли: почему всѣ лучшіе люди страдаютъ, а злые счастливы? Гдѣ-же справедливость? Она вернулась къ роднымъ изъ больницы, но болѣзнь повторилась, и тогда-то я и видѣла ее. Она выбѣжала въ комнату, гдѣ я сидѣла одна, отправленная товарищами по правиламъ какой-то игры. Я слышала дикій бредъ, дикій хохотъ, видѣла, какъ она то яростно протягивала руки, обличая какого-то злодѣя, то заламывала ихъ надъ головой. Вдругъ она увидѣла меня; мой взглядъ, прикованный къ ней въ ужасѣ, довелъ ее до бѣшенства. Она кинулась ко мнѣ съ поднятыми кулаками, съ крикомъ: «Дура, чего смотришь, дура! Ну, и будь дурой, дурамъ жить легче». Отецъ мой, имѣвшій на нее вліяніе, увелъ ее. Онъ сказалъ мнѣ, что помѣша-

тельство это слѣдствіе безвѣрія, что человѣкъ не можетъ жить безъ опоры вѣры.

Черезъ года два мнѣ пришлось видѣть другого помѣшаннаго, дачнаго сосѣда. Онъ зачитался евангеліемъ. По цѣлымъ часамъ ходилъ онъ по садовой аллеѣ возлѣ нашего забора. Я слышала его бредъ. Онъ то мечталъ себя обреченнымъ аду, то звалъ себя спасеннымъ, избранникомъ Божіимъ. Мнѣ было объяснено отцомъ, что бѣдный сосѣдъ пострадалъ за мудрствованіе; онъ не вѣрилъ просто и смиренно, но разсуждалъ. «Вотъ, и ты любишь много разсуждать о вѣрѣ». Мысль моя часто возвращалась къ этимъ двумъ сумасшедшимъ, и меня сильно смущала одна и та-же мѣра кары и за безбожіе и «вольтеріанство», и за разсужденіе о вѣрѣ.

М. Николаева.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Страница къ исторіи нашего женскаго домашняго воспитанія въ недавнюю старину.

(Окончаніе).

Домашнее воспитаніе отражаетъ на себѣ такъ или иначе общественный строй. Общественныя условія ставятъ свой идеалъ, по которому и подгоняютъ дѣтей. Но условія эти до воспитываемыхъ доходятъ черезъ людей, непосредственно близко стоящихъ къ нимъ, и потому общественная порча или нейтрилизуется, или передается еще обостренная примѣромъ. Я рано привыкла видѣть въ отцѣ чуть не мученика честности; мать жила въ вѣчномъ страхѣ, что его выгонитъ начальство за то, что онъ «законникъ». Помню живо одинъ случай, когда нарядили слѣдствіе, грозившее отцу сѣрой курткой за то, что онъ не хотѣлъ принять въ казенныя мастерскія, которыми завѣдывалъ, гнилую пеньку, въ принятіи которой былъ сильно заинтересованъ его непосредственный начальникъ. Не только вся женская половина родни находила, что онъ поступаетъ какъ дурной семьянинъ, ради сумасбродныхъ фантазій, но даже отецъ Володи, пользовавшійся въ семьѣ репутаціей ума, находилъ, что онъ даромъ погубитъ себя и семью, а міръ не переучитъ. Я впервые услышала: Донъ-Кихотъ. Погубить—значило лишить средствъ къ барской жизни. Отецъ отвѣчалъ, что будетъ конторщикомъ, прикащикомъ, дѣтей самъ выучитъ всему, что надо, а подлецомъ не будетъ. И если дѣти послѣ упрекнутъ его за то, что онъ не подличалъ для нихъ, то это будетъ для него незаслуженнымъ и страшнымъ несчастьемъ. Точныхъ словъ я не помню, но помню смыслъ, и всего ярче помню впечатлѣніе отъ словъ отца, и это потому, что тонъ былъ глубоко искренній, это было *настоящее*. Слова и слезы матери и тетки о томъ, что онѣ умрутъ или сойдутъ съ ума отъ горя, оставляли меня почти равнодушной. Случай выручилъ: какая-то катастрофа въ семьѣ слѣдователя отозвала его изъ нашего города; присланный вмѣсто него повелъ дѣло

иначе. Оказался-ли онъ честнымъ человѣкомъ, или былъ трусливѣе перваго—не знаю. Такіе характеры, какъ мой отецъ, всегда внушаютъ нѣкоторый страхъ людямъ робкимъ. Онъ смѣлъ говорить правду, рискуя *всѣмъ*, какъ тогда говорили, — очевидно, что такой человѣкъ способенъ на все, и хотя я не могла узнать, въ чемъ заключалось это «все» въ глазахъ начальства и сослуживцевъ, но знаю одно, что они побаивались этого *всего*, особенно когда отецъ выйдетъ въ отставку. Помню, какъ въ одинъ изъ тяжелыхъ дней переживавшейся драмы отецъ отвѣтилъ на упреки родни, подозвавъ меня и сказавъ: «не вѣрь, я не дурной отецъ. Я надорвусь, работая для семьи; но я не могу принять гнилую пеньку на флотъ. Гнилыя веревки не выдержатъ въ бурю — и тысячи людей могутъ погибнуть». Изреченіе Минина «заложимъ женъ и дѣтей и выкупимъ отечество» было мнѣ понятно; но это было великое событіе, что-то крайне далеко и высоко отстоявшее отъ повседневной моей жизни, а тутъ въ первый разъ осязаемо, очевидно, вживѣ данъ былъ мнѣ запавшій на всю жизнь урокъ о правдѣ и благѣ общественныхъ. Я поняла, что о *тысячахъ* людей должно болѣе думать, *тысячами* болѣе дорожить, чѣмъ личными выгодами и удобствами. Эта драма моего дѣтства, такъ плохо вязавшаяся съ моимъ горделиво-патріотическимъ убѣжденіемъ въ принадлежности моей къ народу, избранному Богомъ, не могла набросить ни малѣйшей тѣни на жаръ и яркость убѣжденія. Было, кромѣ разсказовъ крѣпостныхъ и деньщиковъ, еще много впечатлѣній, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что народу, избранному Богомъ, жилось тогда очень тяжело. Окна нашей квартиры выходили на улицу, потомъ загороженную съ обоихъ концовъ стѣнами съ воротами и обращенную въ плацъ для ученья солдатъ. Когда выставлялись окна, намъ запрещали смотрѣть въ открытыя окна, чтобы не слышать безобразной нецензурной ругани, которою офицеры и унтера приправляли ротное ученье. Всего безобразнѣе было ученье рекрутъ. Изъ окна второго этажа можно было видѣть блѣдныя, растерянныя, искаженныя страхомъ лица парней, только что взятыхъ отъ сохи, видѣть, какъ сыпались палочные удары на согнутое колѣно, поднятый носокъ, какъ кулаки опускались на лица. Я видѣла выступавшую кровь, сине-багровые вздувавшіеся скулы, глазъ; видѣла, какъ подъ опускавшимся на голову, какъ молотъ, кулакомъ шатался и падалъ на сосѣда молодой солдатъ. Случалось, что послѣ ученья товарищи отводили шатавшагося и еле волочившаго ноги побитаго въ тотъ флигель въ ряду казармъ, гдѣ тогда помѣщался госпиталь. Въ тѣ ночи, когда я это видѣла, я много гово-

рила во снѣ—съ плачемъ, со стономъ и вскрикиваньемъ. Изъ окна кабинета и передней, выходившихъ на южную сторону, три раза въ сутки я видѣла другое зрѣлище. Въ полдень арестанты возвращались съ работъ изъ адмиралтейства, черезъ часа два шли обратно на работы и по окончаніи ихъ, въ девять вечера, возвращались въ свои казармы. Если я вставала ранѣе, то могла видѣть и въ четвертый, когда они шли на утреннюю работу. Бритыя головы подъ сѣрыми шапками, бубновые тузы на курткахъ,—иныя были сшиты изъ двухъ половинъ—сѣрой и черной (при такой куртки брилась только половина головы), звонъ цѣпей, глухой стукъ катимой впередъ тачки,—были несчастные, прикованные къ тачкамъ, были скованные по двое,—эту бездну несчастія мы, дѣти, видѣли съ тѣхъ поръ, какъ начали помнить себя. Было нѣсколько человѣкъ знакомыхъ мнѣ арестантовъ. Няня Катерина часто водила насъ гулять на крѣпостной валъ, когда они тамъ работали; она хотѣла повидать мужа, и ей это не запрещалось. Въ то время не думали о томъ, какъ такое зрѣлище подѣйствуетъ на дѣтскіе нервы, и это потому, что такой вещи, какъ «нервы», въ дѣтяхъ не полагалось, и вопросъ нервности разрѣшался очень просто. «Вотъ еще — нервы! дать розогъ—и рукой сниметъ». Разъ какая-то нервная барыня, ѣхавшая мимо вала, увидѣла насъ, и потомъ замѣтила отцу, что видъ арестантовъ разстроитъ нервы. Отецъ возразилъ, что нечего нѣжить, пусть учатся жалѣть несчастныхъ. Когда мнѣ приходилось видѣть, до чего иные либеральные родители оберегали дѣтей отъ каждаго впечатлѣнія общаго горя, то мнѣ припоминался отецъ и думалось, что въ его домостроевской системѣ было то, чему не мѣшало-бы поучиться многимъ современнымъ родителямъ, воспитывающимъ дѣтей по послѣднему слову педагогіи... У иныхъ арестантовъ далеко на родинѣ были покинуты семьи; эти несчастные всегда радовались, когда мы приходили; они брали насъ на руки, качали подъ звонъ цѣпей; иногда послѣ поцалуя на щекѣ или рукѣ моей оставался слѣдъ слезы. «Своихъ вспомнилъ», говорила няня, а иногда и кто-нибудь изъ часовыхъ, которые большею частью сидѣли, благодушно покуривая трубочки или нюхая табакъ изъ тавлинокъ. Арестанты ладили мнѣ изъ щепокъ трещетки и мельницы, и это то-же было сильнымъ мотивомъ сочувствія для 5 — 6-лѣтняго ребенка. Я кланялась изъ окна своимъ знакомымъ, но отвѣчать они могли только улыбками, потому что шли въ строю.

Былъ случай, показавшій мнѣ, что мои знакомые могутъ быть страшны. Мы шли вечеромъ всей семьей черезъ адмиралтейство; арестанты, работавшіе около доковъ, бросили работу и зашумѣли. Дежур-

ный офицеръ подбѣжалъ къ отцу, бормоча заплетающимся отъ вина языкомъ «бунтуютъ». Приказавъ намъ не трогаться съ мѣста, отецъ пошелъ на встрѣчу шедшей къ нему толпы. Впереди шелъ рослый арестантъ, раскачивая въ опущенной рукѣ топоръ или молотъ. Отецъ и онъ сошлись лицомъ къ лицу. Я слышала твердый голосъ отца. «Убьешь меня—мнѣ двухъ смертей не бывать, тебѣ-же хуже и здѣсь, и тамъ». Я слышала какъ ударилось съ глухимъ стукомъ о землю оружіе, выпавшее изъ руки арестанта, какъ смущенный голосъ проговорилъ: «простите, в—в—діе!». Затѣмъ раздался хоръ жалобъ на непосильный урокъ. Отецъ приказалъ вернуться на работу, и черезъ минутъ десять отпустилъ въ казармы. Шабашъ наступилъ уже. Отецъ простилъ арестанта, и это дѣло было замято. Несчастному грозила смерть сквозь строй. Досталось офицеру, который бѣжалъ за отцомъ вплоть до воротъ адмиралтейства, снявъ киверъ и униженно моля о пощадѣ. Я рѣдко видѣла отца въ такомъ гнѣвѣ, сдержанномъ и тѣмъ болѣе страшномъ, какъ въ тѣ минуты, когда онъ говорилъ протрезвѣвшему отъ ужаса офицеру: «Еще что, — и вамъ быть матросомъ! Мать не умолитъ больше на колѣняхъ». «Вотъ ваша бабья жалость,— обратился онъ дома къ матери и теткѣ,—пьяный звѣрь сколько бѣдъ-бы надѣлалъ, не случись я тутъ. Господь спасъ». Такое объясненіе дѣла, данное не ради меня, не пропало и сильно смягчило страхъ, который, вмѣстѣ съ понятнымъ злобнымъ чувствомъ, мнѣ начали внушать теперь арестанты. Я хотѣла при первой встрѣчѣ на работѣ упрекать ихъ, но отецъ приказалъ намъ: никому ни слова о томъ, что мы видѣли, и такимъ тономъ, что невозможно было проболтаться даже нечаянно. Дѣти чутки на такой тонъ и умѣли молчать, когда знаютъ, что изъ ихъ болтовни можетъ выйти бѣда. Мнѣ приходилось видѣть подтвержденіе этого факта даже въ очень легкомысленныхъ и плохенькихъ сравнительно дѣтскихъ натурахъ. Въ наше время много говорятъ объ инерціи, прострацiи, много слышится жалобъ о безцвѣтности и стертости характеровъ. Не слѣдуетъ-ли, на ряду съ причинами, какими объясняютъ этотъ безотрадный фактъ, указать и на ту стѣну, которую ставятъ между дѣйствительною жизнью и дѣтьми изъ близорукой-ли нѣжности, или изъ вновь воскресающей дисциплины добраго стараго времени, въ которомъ было такъ много страшнаго.

Я-бы, можетъ быть, забыла о многихъ тяжелыхъ впечатлѣніяхъ, если-бы не знакомство съ семьею англичанъ и не воспылавшіе патріотическіе споры съ старшимъ сыномъ, моимъ ровесникомъ, и старшей дочерью, которая была моложе меня года на три, но была несравненно

умнѣе и развитѣе моихъ ровесницъ изъ знакомыхъ. Я долго считала ее необычайно умной, пока уже взрослой, побывавъ за границей, не увидѣла, что умъ, который я въ дѣтствѣ считала необычайнымъ, былъ только слѣдствіемъ болѣе высокаго культурнаго уровня англичанокъ въ сравненіи съ русскими женщинами той поры. Англичанка, выросшая на Шекспирѣ, какъ мать Мери, имѣла такой богатый запасъ мыслей и понятій, какого не могли дать отрывки изъ Гоѳоліи и Эсфири и синтаксисъ французскаго языка—эта квинтъ-эссенція институтскаго воспитанія матери, — ей и двумъ теткамъ моимъ—старшей сестрѣ матери и единственной сестрѣ отца.

Я доказывала Мери превосходство русскихъ надъ англичанами: *мы* прогнали татаръ, поляковъ, французовъ; англичане не прогнали ни саксовъ, ни датчанъ. И такъ какъ она не больше моего понимала условія, при какихъ происходили изгнанія, то, обходя этотъ вопросъ, колола мнѣ глаза позоромъ крѣпостничества. «Britons never shall be Slaves. Русскіе лгуны. Отецъ мой пятнадцать лѣтъ въ Россіи и говоритъ о ней съ отвращеніемъ. Онъ столько видѣлъ лганья, воровства». «Если у насъ такъ дурно, зачѣмъ-же ѣдутъ къ намъ ѣсть нашъ хлѣбъ и насъ-же бранить»,—возражала я. И, смутясь, что этимъ могла обидѣть Мери, — я знала, что жили они бѣдно, — прибавляла: «Хотя у насъ крѣпостные, за-то у каждаго мужика есть земля, а у васъ народъ мретъ съ голоду. Богъ наказываетъ васъ за то, что вы не православные и казнили своего короля Карла I». Мери смолкала, за неимѣніемъ аргументовъ, но добывала ихъ къ слѣдующему свиданію, чтобы дать мнѣ отпоръ, приводившій меня въ ужасъ. Отецъ ея былъ человѣкъ образованный и вигъ. Понятно, что новые аргументы скользили по мнѣ во всемъ томъ, въ чемъ я не слышала подтвержденія дома. Но фактъ лживости и воровства не былъ опровергнутъ моимъ отцомъ, который далъ мнѣ тоже аргументъ для диспутовъ: управленіе Индіей. Все это могло быть очень печально съ общечеловѣческой точки зрѣнія, да несомнѣнно и было, но все-же имѣло и свою хорошую сторону въ томъ, что пріучало умъ къ интересамъ, не волновавшимъ умы маленькихъ барышень. Одна изъ нихъ, Лёленька З., когда я передала ей свой диспутъ съ Мери, замѣтила: «Какъ смѣетъ она такъ спорить съ вами? Кто ея отецъ?—докторишка безъ чина, вашъ—капитанъ второго ранга». Послѣ этого я дала себѣ слово говорить съ Лёленькой З. только на свѣтскія темы, т.-е. принятыя въ разговорахъ съ церемонными знакомыми.

Всѣ эти впечатлѣнія западали, перерабатывались, поднимали порой недоумѣнія. Иногда мы толковали съ товарищами. Но Володю, быв-

шаго въ иныхъ вопросахъ авторитетомъ, увезли въ корпусъ съ братомъ. Тамъ они почерпнули сугубое презрѣніе къ дѣвчонкамъ. Пріѣзжая на праздники, первымъ дѣломъ заставили меня вытянуть руку, пощупали мускулы и одобрили, «ничего для дѣвчонки», а затѣмъ уже не удостаивали вниманія. Тараторить съ дѣвчонками было унизительно, когда явилось столько новыхъ товарищей. Съ отцомъ я говорила теперь рѣдко, ему жилось все тяжелѣе, служебная борьба осиливала его, и онъ еще дольше молился и становился все суровѣе. Уроки русской исторіи и ариѳметики кончились; у него прибавилось и на дому служебныхъ занятій. Притомъ, онъ довѣрялъ очень немногимъ и, гдѣ только могъ, все дѣлалъ самъ, даже многія бумаги писалъ самъ, считая писаря подкупленнымъ врагами. Бывали случаи пропажи бумагъ у него въ конторѣ, и потому онъ документы поважнѣе приносилъ домой. Мнѣ взяли учителя русской словесности и исторіи—г. О. Я давно ждала этихъ уроковъ, надѣялась узнать то, что заставляло меня теряться въ догадкахъ, узнать обо всѣхъ великихъ людяхъ, создавшихъ славу Россіи, узнать *правду*. Мнѣ чуялось что-то новое, свѣтлое, хотя Володя, котораго тотъ-же учитель готовилъ въ корпусъ, говорилъ, что за уроками его заснешь, и хорошо въ немъ одно, что добрый. Сверхъ того, уроки эти были переходной ступенью отъ дѣтства и отмѣчали пору, когда, по извѣстному выраженію, дѣвочка уже не дитя, но еще и не дѣвушка.

Учитель, давно уже умершій, былъ дѣйствительно добрымъ и очень мягкимъ человѣкомъ; на урокахъ его я не спала съ Соней, но только потому, что мы обѣ горѣли нашимъ пылкимъ патріотизмомъ, который проглотилъ-бы еще большую дозу снотворности. О. составилъ свой учебникъ словесности, если память не измѣняетъ, одобренный «Сѣверной Пчелой», носившій большое сходство съ руководствомъ Греча, и разнесенный въ пухъ и прахъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», изд. Сенковскимъ. Изъ этой критики я помню только одинъ вопросъ. Посмѣиваясь надъ примѣромъ: пять пальцевъ, который О. считалъ почему-то необычайно доказательнымъ, рецензентъ спрашивалъ: почему-же не пять огурцовъ—логика одна. Учебникъ этотъ былъ изданъ, когда мы прошли нашъ курсъ словесности и литературы у О.

Учитель читалъ намъ лекцію, мы составляли записки. О. любилъ свое дѣло, и учебникъ его не былъ для него спекуляціей, хотя, конечно, какъ человѣкъ небогатый и семейный, онъ дорожилъ и выручкой отъ него и принятіемъ его въ число руководствъ корпуса, гдѣ онъ былъ преподавателемъ. Читалъ онъ убійственно, съ длиннѣйшими придаточными предложеніями, переходя отъ главнаго предмета къ

массѣ второ- и третьестепенныхъ предметовъ, нерѣдко отдаленно связанныхъ съ первымъ, и потомъ отъ послѣднихъ, безконечнымъ рядомъ ступенекъ, возвращаясь къ главному. Первое время, по непривычкѣ слушать лекціи, да еще въ 13 лѣтъ, мы съ Соней теряли вить; потомъ, чтобы помочь бѣдѣ, стали загибать пальцы подъ столомъ. Случалось, что всѣ десять были загнуты, а учитель все еще вводилъ третьестепенный и т. д. предметъ, и лѣстница отъ главнаго спускалась чуть не на пятнадцать ступеней. Однообразная дикція усыпила-бы насъ, если-бы не оживлявшій насъ жаръ патріотизма. Послѣ полуторачасовой лекціи мы набрасывали то, что уцѣлѣло въ памяти; но многое и улетучивалось, и въ такомъ случаѣ «Учебная книга россійской словесности» Греча, которую далъ мнѣ отецъ изъ своей библіотеки, служила намъ неоцѣненную службу.

Кромѣ общаго и крайне неопредѣленнаго стремленія учиться, у меня были и опредѣленные вопросы, отвѣта на которые я ждала отъ учителя. Изъ исторіи Греціи и Рима, изъ исторіи Франціи, все того-же Ламе-Флери, я вынесла много образовъ героинь: Эпихарида, Порція, Корнелія, Марія Падилья и др. Но всѣ онѣ были ничто въ глазахъ моихъ передъ Іоанной д'Аркъ. Я была увѣрена, что въ русской исторіи должны быть героини, которыя если не затмятъ ихъ, то будутъ ничуть не ниже ихъ. Иначе и быть немогло. Отецъ говорилъ, что русскіе—народъ, избранный Богомъ, чтобы нести святую истину въ міръ. Тѣмъ болѣе должны быть у избраннаго народа героини, превосходящія народовъ не избранниковъ. И ничего не было, ни одной, которую-бы я могла поставить рядомъ съ славными именами язычницъ. О. обмолвился какъ-то о новгородской патріоткѣ Маро̀ѣ посадницѣ. Маро̀а давно занимала мое воображеніе и чувство, въ то-же время поднимая мучительное недоумѣніе. Изъ словъ отца, а также изъ чтенія англійской и французской исторіи я уже поняла борьбу мелкихъ королевствъ, княжествъ, удѣловъ съ складывавшеюся крупною единодержавною властью. Славянофильскій идеалъ русскаго царя былъ тоже въ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ понятенъ мнѣ, болѣе всего по культу отца. Великая патріотка съ одной стороны, съ другой оказывалась бунтовщицей. На мои запросы о разрѣшеніи недоумѣнія отецъ неизмѣнно отвѣчалъ: «ты еще не поймешь». Не помню уже, при чтеніи какой исторической повѣсти О. эстетически восхищался Маро̀ой и новгородцами, страшная месть Грознаго вызвала трепетъ ужаса и восклицанія: «Какое страшное злодѣйство!». О. оглянулся пугливо и заговорилъ, путаясь, что Іоаннъ былъ безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ Провидѣнія, что надо было изъ раздробленной Руси сковать одно цѣ-

лое, что безъ политики Грознаго не создалась-бы великая держава, наша славная Россія, первенствующая въ Европѣ. По чувству человѣколюбія мы не можемъ не жалѣть о жертвахъ, но въ то-же время разумъ указываетъ намъ, что Іоаннъ былъ-бы правъ вполнѣ, если-бы не прибѣгалъ къ такимъ жестокимъ мѣрамъ. Теперь намъ, конечно, трудно понять законъ исторической необходимости, предписанный неисповѣдимыми судьбами Провидѣнія, но этого пониманія и невозможно ожидать отъ нашего возраста. Сначала мы ничего не поняли изъ этого теологически-фаталистически-историческаго взгляда и тупо смотрѣли на учителя; но онъ не счелъ за нужное пускаться въ дальнѣйшія объясненія и поспѣшилъ прочесть намъ какой-то отрывокъ изъ лѣтописи. Я вскорѣ замѣтила, что онъ всегда спѣшилъ перейти къ «источникамъ», чуть объясненіе становилось затруднительнымъ. Долго послѣ этого урока мы толковали съ Соней, недоумѣвая, что это за законъ «исторической необходимости», повинуясь которому Іоаннъ Грозный запрудилъ Волховъ трупами, и развѣ Россія не могла-бы сложиться въ могущественное и славное (слова эти мы выговаривали всегда вѣско и съ большимъ чувствомъ) государство безъ страшныхъ злодѣяній Грознаго?..

Отецъ, къ которому я обратилась за объясненіями, подтвердилъ мою мысль о томъ, что зло не можетъ входить въ цѣли Бога; что цѣль Его—добро, т.-е такое состояніе человѣчества, когда оно будетъ жить по законамъ правды и любви, начертаннымъ въ сердцахъ людей, когда они достигнутъ той степени совершенства, что имъ не нуженъ будетъ страхъ человѣческихъ законовъ. Мы переживаемъ одну изъ переходныхъ ступеней къ этому состоянію; люди все-таки теперь совершеннѣе, чѣмъ были въ вѣка пещернаго быта, или удѣльной междоусобицы. Слѣдовательно, государство есть благо, сравнительно передъ прошлымъ; оно держитъ въ уздѣ злыя страсти. Чѣмъ крупнѣе государство, тѣмъ болѣе можетъ оно творить великаго и добраго. Но злыми путями не создать ничего добраго. Царство древней Руси сложилось не злодѣяніями Грознаго, а тѣмъ, что было разумнаго и согласнаго Божіей волѣ въ его цѣляхъ. Зло можетъ родить одно зло Избіенія новгородцевъ и псковитянъ оставили гибельный слѣдъ, и въ эпоху междуцарствія Псковъ и Новгородъ тянули къ шведамъ и даже передавались врагамъ. Отецъ отвѣчалъ подумавши и взвѣсивъ слова, но я понимала, что онъ говорилъ свое, настоящее. Въ словахъ-же учителя чуялось порой не настоящее. Сначала я принимала умалчиванье его за обидное для насъ, дѣвочекъ, сомнѣніе въ нашей способности пониманія, но потомъ мнѣ пришла мысль,

не вполнѣ сознанная, скорѣе намекъ на мысль, что есть что-то особенное, таинственное, мѣшающее ему говорить вполнѣ правду. Порой я замѣчала тревожную осторожность. Чего-же онъ боится? Трусость, по нашему дѣтскому кодексу, считалась чѣмъ-то неизмѣримо позорнымъ; и къ тому-же примѣръ отца стоилъ нашего дѣтскаго кодекса. Но я тотчасъ распекла сама себя за это подозрѣніе. Мы любили О. Онъ такъ искренно радовался нашимъ успѣхамъ, онъ такъ любилъ русскую литературу; онъ былъ эстетикомъ сороковыхъ годовъ на славянофильской подкладкѣ... Пятнадцати лѣтъ съ небольшимъ я, кончила его курсъ, и потомъ не имѣла съ нимъ никакихъ бесѣдъ, да и не слышала, встрѣчая его въ обществѣ, чтобы онъ говорилъ о чемъ-либо, кромѣ городскихъ и служебныхъ новостей. Я попыталась-было обратиться за разрѣшеніемъ своего недоумѣнія къ Володѣ; но тотъ перешелъ въ гардемарины, и оттого презрѣніе его къ дѣвчонкамъ выросло въ квадратѣ; я услышала одно: «дура, сама не видишь, не твоего ума дѣло». И я только позже смекнула, что любезность эта прикрывала собственную его несостоятельность дать ожидаемый отвѣтъ.

О. любилъ говорить о томъ, что русскіе носятъ въ себѣ великіе задатки и что пора проявить ихъ настанетъ, когда Западъ сгніетъ. Древняя Русь отличалась бо́льшею мягкостью нравовъ, чѣмъ западная Европа. Въ Ярославовой правдѣ не было смертной казни, семейная жизнь была лучше поставлена, теремовъ не было. Все зло было принесено татарами. Во время двухсотлѣтняго рабства русскіе грудью отстояли Европу отъ губительнаго потока, хлынувшаго съ юго-востока. Европа могла совершенствоваться по части культуры и знанія, и не знала насъ, а позже, при первыхъ сношеніяхъ, презирала насъ, не понимая, что всякій другой европейскій народъ точно такъ-же отсталъ-бы и занялъ бы невольно много варварскаго и дикаго. Татары принесли намъ и смертную казнь. Петръ Великій, безъ разбора перенимая у Европы порядки, не уничтожилъ смертной казни, отмѣненной его наслѣдниками.

Когда пришлось коснуться крѣпостнаго права, я убѣдилась, что учитель сознательно лжетъ. То было въ 1850 или въ 1851 году. О., въ числѣ поводовъ недовольства народа въ царствованіе Годунова, упомянулъ и о Юрьевѣ днѣ. Крестьяне лишались права переходить отъ злого помѣщика къ доброму. Но онъ тутъ-же спохватился и указалъ на гибельность перехода, на привычку къ бродяжничеству, на упадокъ земледѣлія и послѣдствія его—голодовки. Отъ пріятелей своихъ англичанъ я слышала, что крѣпостное право—позоръ, они мнѣ протрубили уши: Britons never shall be Slaves и доводили до бѣлаго

каленія каламбуромъ изъ словъ Slave—славянинъ и slave—рабъ, однозвучащихъ по англійски. Съ дѣтства я много наслышалась отъ прислуги и гостей ея о томъ, что выносили крѣпостные. Наша Ольга всегда завидовала вольнымъ,—больше, впрочемъ, ради чести быть вольной, потому что жилось ей не хуже вольной прислуги, съ которою, по тогдашимъ нравамъ, не церемонились, а мировыхъ судей не было. Отпущенная замужъ лѣтъ за пять до освобожденія, она сохранила къ намъ отношенія, какъ къ своимъ «выняньченнымъ», и когда приходила безработица, живала у насъ съ мужемъ. Все прежнее въ жизни тяжелое, въ жизни по барскому звонку не измѣнилось, но явилось сознаніе: хочу — уйду, не на всю жизнь. Это чувство крѣпостной я плохо понимала въ то время. Отъ отца я слышала, что крестьянамъ у хорошихъ помѣщиковъ лучше, чѣмъ вольнымъ (государственнымъ) крестьянамъ, которыхъ обираютъ чиновники. Видала я не мало барынь, для которыхъ слова «дѣвка» и «тварь» были синонимами; видала и товарищей дѣтства, помыкавшихъ старыми слугами, издѣвавшихся надъ ними и даже ихъ поколачивавшихъ, и это съ полнѣйшею безнаказанностью,—развѣ что услышатъ равнодушное замѣчаніе: «Какъ ты смѣешь! отъ земли не видно», или «не твое дѣло распоряжаться!» Замѣчалось старшими собственно одно присвоеніе прерогативъ ихъ младшими. Я понимала законность желанія уйти на волю отъ такихъ господъ, но до пониманія влеченія къ волѣ an sich und für sich не доросла. Отецъ говорилъ, что вольный народъ въ Англіи живетъ хуже нашихъ крестьянъ и что ландлордъ можетъ всегда согнать крестьянина съ земли. Я хотѣла узнать правду.

Дошли мы до Новикова. О. пространно говорилъ о дѣятельности его на пользу просвѣщенія, о «филантропіи, опережавшей время», упомянулъ и о томъ, какъ Новиковъ повредилъ себѣ своимъ увлеченіемъ масонствомъ, перенятымъ у Запада; въ заключеніе онъ вскользь упомянулъ и о томъ, что Новиковъ пострадалъ за это увлеченіе и за свое желаніе освобожденія крѣпостныхъ. Я спросила: развѣ освобожденіе—зло? Учитель отвѣчалъ нѣтъ, но «нѣтъ» это было такое робкое: совѣсть зазрила его дать отрицательный отвѣтъ. Такъ за что-же онъ пострадалъ? Это несправедливо,—заявила я съ неумолимой логикой, которая заставляла не разъ вилять учителя. Но тогда я не вполнѣ понимала это «вилянье»: я такъ многое приписывала тогда собственному непониманію тѣхъ научныхъ истинъ, которыя мнѣ излагалъ О. На замѣчаніе о несправедливости я услышала осужденіе рѣзкости и скороспѣлости незрѣлыхъ умовъ и знакомую ссылку на государственную и историческую необходимость: время не пришло,

толки объ освобожденіи взволновали-бы вновь народные умы; только что была пережита пугачевщина. Я подумала, что если-бы крестьяне были вольными, то не пошли-бы въ пугачевщину, но не сказала:— пропала вдругъ охота высказывать свои мысли. А учитель продолжалъ, что освобожденіе было преждевременно и доказательствомъ тому служитъ, что человѣколюбивый и великодушный императоръ Александръ Благословенный нашелъ невозможнымъ освободить крѣпостныхъ, равно какъ и нынѣ благополучно и славно царствующій императоръ Николай I находитъ невозможнымъ освободить ихъ. Несвоевременное освобожденіе принесло-бы переворотъ въ государственныхъ доходахъ и финансовый кризисъ; но эти вопросы не входятъ въ кругъ программы курса для дѣвицъ. О, эта несчастная программа! всегда-то она являлась, когда на проклятые вопросы требовался прямой отвѣтъ... Притомъ, я питала самое романическое презрѣніе къ финансамъ и негодовала, какъ можно изъ такого вздора не отмѣнять того, что дѣлало милліоны людей несчастными и, что еще хуже, злодѣями, такъ какъ именно крѣпостные-то и пошли въ пугачевщину. Послѣ урока, чуть я оставалась одна, я передумывала все слышанное, подмѣчала ускользнувшія противорѣчія и, наконецъ, дошла до вывода, что въ иномъ учитель лжетъ. Живо помню горькое, злое чувство, схватившее меня за горло. Старшіе, за исключеніемъ отца, пріучили меня испытывать горькое чувство быть обманутой; но это было средствомъ заставить меня исполнять ихъ волю; когда нельзя было «сломить» меня, то старались обойти, и я постоянно доставляла потѣху сестрѣ и товарищамъ тѣмъ, что средство «обхода» всегда удавалось. Но тутъ мнѣ лгали въ ученьѣ. Гдѣ-же я узнаю правду, если учитель лжетъ?

О. не погибъ безвозвратно въ моемъ мнѣніи за это только потому, что я видѣла его искреннюю любовь къ русскому, къ русской литературѣ, его горячее желаніе передать намъ свое пониманіе всего «прекраснаго и великаго, внесеннаго тѣми писателями, имена которыхъ составляютъ гордость каждаго русскаго». О смерти Пушкина онъ говорилъ съ горечью и не утерпѣлъ—прочелъ намъ (выкинувъ, впрочемъ, стихъ о потомкахъ, прославленныхъ подлостью отцовъ) стихотвореніе Лермонтова на смерть Пушкина, попросивъ насъ предварительно сохранить это втайнѣ, но, конечно, не отъ родителей. Мы, однако, поняли, что о родителяхъ было упомянуто формы ради, и не обмолвились ни словомъ. Соня никогда ничего не говорила родителямъ; я бесѣдовала только съ отцомъ, улучая его хорошія минуты. О Пушкинѣ я не говорила съ нимъ никогда болѣе послѣ перваго раз-

говора, услышавъ, что въ Пушкинѣ нѣтъ ничего хорошаго, кромѣ Бориса Годунова, а Онѣгинъ его, какъ я пойму, когда выросту, только праздношатающійся баричъ. Послѣ я поняла, что фанатики двухъ противуположныхъ полюсовъ сходились въ оцѣнкѣ Пушкина.

Я долго остановилась на идейной сторонѣ уроковъ,—на тѣхъ нравственныхъ понятіяхъ, какія забрасывали они въ наши умы, потому что ошибочные взгляды по отношенію къ знанію исправляются гораздо легче, чѣмъ ошибочные взгляды, дающіе ложное направленіе нравственному чувству дѣтей и юношей. Смутившее меня оправданіе злодѣяній Грознаго исторической необходимостью я нотомъ слышала отъ другихъ поколѣній, но въ другомъ примѣненіи, и не могла не видѣть въ этомъ примѣненіи логическаго развитія того, что слышала отъ О. Ученіе человѣчности и правды одно—и мѣрило человѣческихъ дѣйствій, кѣмъ-бы и гдѣ-бы ни совершались они, должно быть одно. Полагаю, что нашъ учитель самъ не понималъ, и это въ очень значительной степени, вредъ своего невольнаго іезуитизма; оправданіе исторической необходимостью подвернулось ему просто на языкъ, чтобы выпутаться изъ положенія, очень затруднительнаго для педагога въ 50-мъ году, и ему въ мысль не приходило, что это оправданіе можетъ принести горькіе плоды. Притомъ онъ не вполнѣ лгалъ и въ ссылкѣ на особенныя программы, отмѣривающія дѣвицамъ порцію знанія пожиже и по-меньше. Онъ говорилъ, что Творецъ опредѣлилъ женщинѣ ея путь, и потому ей нужны только познанія, которыя она будетъ имѣть возможность примѣнить на этомъ пути. Все то, что отзоветъ ее съ него, принесетъ ей только несчастіе, и проповѣдь о равенствѣ и эманципаціи Жоржъ Зандъ, хотя геніальной, но сильно заблуждающейся писательницы,—проповѣдь, которою въ послѣднее время сталъ увлекаться талантливый новѣйшій критикъ, измѣнившій, къ сожалѣнію, здоровымъ отечественнымъ началамъ,—можетъ имѣть только гибельное дѣйствіе.

Что касается познаній, то мы не выносили изъ лекцій ничего, кромѣ именъ авторовъ и заглавій произведеній ихъ. Связывать произведенія съ жизнью общественной, съ условіями времени—насъ не учили. Знали мы, что Карамзинъ принесъ живой и упрощенный языкъ романтизма на смѣну торжественнаго лиризма Державина, что Жуковскій сдѣлалъ то-же самое для стиха, что̀ сдѣлалъ Карамзинъ для прозы, и подготовилъ путь Пушкину, творцу современнаго языка. Объ языкѣ вообще говорилось несравненно болѣе, чѣмъ о содержаніи произведеній. Иногда въ классѣ О. читалъ намъ отрывки и указывалъ на то, что̀ мы могли прочесть, спросясь у родителей. Мы читали, интере-

совались фабулой, толковали о герояхъ; но все-таки ничего не понимали толкомъ. Я не имѣла въ виду, конечно, полнаго пониманія зрѣлаго человѣка, но мы не понимали даже вчернѣ, если можно такъ выразиться, т.-е. въ нашемъ пониманіи не были намѣчены первоначальныя черты, которыя можно сравнить съ контуромъ, наброшеннымъ вѣрною и опытною рукою художника, и которыя служатъ ему указаніемъ для другихъ, приносящихъ постепенно рельефность и краски жизни. Мнѣ пришлось слышать то-же самое, что я говорю объ урокахъ О., и о преподаваніи исторіи въ женской гимназіи. Талантливая молодая дѣвушка, Кавелина, дочь извѣстнаго профессора въ 70-хъ гг., на диспутѣ о преподаваніи исторіи, заявила, что не вынесла ничего изъ гимназическаго курса. Она была счастливо, исключительно счастливо поставлена, и ей легко было пополнить пробѣлъ. Но каково приходилось другимъ? Но и этимъ другимъ все-же пополненіе давалось несравненно легче, чѣмъ моему поколѣнію, учившемуся за двадцатилѣтіе до 70-хъ гг. Пріучаемое вѣрить, не разсуждая, оно заучивало лишь слова и такимъ образомъ отбывая скучную повинность ученія и съ нетерпѣніемъ считая годы и мѣсяцы до того дня, когда позволено будетъ забросить книги и тетради.

Большинство отлично понимало, что все это совершенно ненужно въ ихъ жизни. Лёленька З., заставъ меня за чтеніемъ многотомной англійской исторіи, не помню ужъ чьей, прозвала меня педанткой, и прозвище это было распространено и на Соню. Не знаю, почему мы заслужили его. Свои историческія бесѣды мы вели только вдвоемъ, мѣряя англійскую и французскую исторію по мѣркѣ исторіи Карамзина, т.-е. по своему пониманію послѣдней. Бесѣдъ съ Лёленькой мы не вели ни о чемъ, кромѣ предметовъ «свѣтскости», и когда она бывала у кого-нибудь изъ насъ, то спѣшили послать занимать ее товарищей, отличавшихся талантами дамскихъ кавалеровъ. Лёленьку ставили намъ въ примѣръ за любезность, находчивость. Мы съ Володей удивлялись только, откуда у нея бралось столько «мелева», и никакъ не могли видѣть въ этомъ мелевѣ умъ. Ничего, кромѣ «мелева», не слышали мы отъ взрослыхъ дѣвушекъ, старшихъ сестеръ нашихъ подругъ, и ни одна изъ нихъ не вызвала въ насъ желанія подражать ей, не смотря на то, что иныхъ намъ ставили въ образецъ.

Въ разгаръ полемики старовѣрства съ новшествами мнѣ не разъ приходилось читать обличенія складывавшагося типа женщины, вышедшей изъ «женственнаго» міра ассамблей, въ который вытащилъ ее Петръ I изъ теремовъ, и вступавшей въ міръ самостоятельнаго труда и общественныхъ интересовъ. Всему виной было легкомыс-

ліе, неустойчивость, жажда новизны. Если молодежь имѣла стихи Некрасова:

Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни честной, человѣческой
Плодотворное зерно—

то это было навожденіе, навѣянное злыми вѣтрами. Но нанесенное однимъ вѣтромъ сносится другимъ. Несносныя - было барышни, которыхъ намъ ставили въ примѣръ, не принятый нами только въ силу «упрямства и желанія поставить на своемъ», какъ то необычайно скоро стали пугать меня съ 56 г. самыми рѣзкими утвержденіями, декламируя фразы о призваніи женщины, эманципаціи и т. п. Все это было у нихъ только новой формой ловить жениховъ. Танцовальные журфиксы выводились изъ моды; лекціи, вечера, концерты ради всякихъ цѣлей замѣнили ихъ; любезные дамскіе кавалеры превратились въ грубоватыхъ развивателей; развиванье вело къ очень интереснымъ разговорамъ, которыхъ прежде не допускали маменьки; да и сами маменьки сочли несовременнымъ слѣдить за дочками, что иногда очень не мѣшало-бы, потому что, по извѣстному выраженію Герцена, «ноги, изуродованныя китайскими башмаками», ходить не умѣютъ. Въ то-же время шла своимъ чередомъ ловля жениха съ перспективой карьеры повиднѣе—и барышни превращались въ достойныхъ сподвижницъ взяточниковъ и аферистовъ,—этихъ бабочекъ, вылупившихся изъ столькихъ куколокъ *новыхъ людей*. Но не все-же движеніе исчерпывалось этими барышнями, способными только распѣвать съ кавалерами о не запавшемъ въ нихъ зернѣ жизни честной, человѣческой, надъ которой онѣ ни разу не призадумались серьезно. Были и натуры искреннія, честныя, энергическія...

Массу женщинъ воспитаніе дѣлало пригодными только къ роли свѣтскихъ дамъ. Въ бѣдныхъ семьяхъ нужда заставляла выучивать дѣвушекъ шитью и стряпнѣ, и, выйдя замужъ, онѣ не водили мужа и дѣтей въ рваномъ бѣльѣ и отлично пекли пироги. Но онѣ такъ-же энергически, какъ и свѣтскія барышни, помогали мужьямъ копить благопріобрѣтенное и такъ-же губили душу и тѣло дѣтей своихъ невѣжествомъ. Онѣ слѣпо слѣдовали въ этомъ отношеніи совѣтамъ авторитетныхъ бабушекъ или знакомыхъ изъ пожилыхъ, «поднявшихъ дѣтей», и права которыхъ на авторитетъ заключались въ энергическомъ нравѣ и бойкой рѣчи. Такимъ авторитетомъ была г-жа К.—крѣпостница, о которой было говорено выше; много дѣтскаго горя принесла она мнѣ (я это знаю по разсказамъ дяди и няни), съ мо-

его годоваго возраста. Меня вывели наряженную показать ей, когда она пришла въ гости. Я позабавила гостью, и мнѣ позволили бѣгать и прискакивать на диванѣ, чего отецъ не любилъ. Наконецъ, моя возня надоѣла, и нянѣ приказали убрать меня. Но я вошла во вкусъ забавы и, уцѣпившись руками за спинку дивана, протестовала крикомъ и топотомъ, которые вышли очень энергичны, такъ какъ природа отпустила мнѣ физической силы и крѣпости легкихъ по высшей нормѣ; энергіей и пылкостью она тоже не обидѣла меня. Протестъ мой привелъ въ ужасъ гостью, которая изрекла такой приговоръ обо мнѣ моей матери: «Смотри, душа моя, у нея страшный характеръ. Если не сломишь теперь, потомъ много будетъ тебѣ горя». И мать увѣровала въ истину приговора и ломала меня, крошку, какъ не ломала мою сестру. Приговора и сцены я, понятно, не помню, но мать часто повторяла его мнѣ при каждой попыткѣ ломанья. А простое понятіе о томъ, что сила крика зависитъ отъ силы легкихъ, сколько и отъ психическаго раздраженія, а оно, въ свой чередъ, зависитъ отъ силы, отъ полученнаго стимула, не дало-бы залечь предубѣжденію о «страшномъ» характерѣ. Няня-нѣмка часто обвиняла меня въ злости за то, что я цѣплялась за что-нибудь, отнимаемое у меня, крѣпче другихъ ровесницъ и кричала громче. Я видѣла, однако, что другія дѣвочки, не имѣвшія такой цѣпкости пальцевъ и крѣпости легкихъ, злились дольше моего, а иногда и мстили обдуманно и хладнокровно, чего я не дѣлала,—и я горько чувствовала несправедливость. Система воспитанія, ставившая цѣлью жизни женщины быть женой и матерью, не давала никакого понятія о жизни тѣла и духа дѣтей.

Нынѣшнее настроеніе, воскрешающее эту систему, тоже не даетъ женщинѣ никакой подготовки. На педагогическіе и высшіе курсы идутъ или дѣвушки, къ которымъ теперь относятся непріязненно, какъ къ зараженнымъ идеями эманципаціи, или дѣвушки, ищущія средствъ заработка и пригнанныя на курсы нуждою. Много-ли найдется дѣвушекъ, которыя, выйдя замужъ, не надѣлали-бы массу ошибокъ, губящихъ душу и тѣло дѣтей; и это вслѣдствіе невѣжества, при которомъ всякія руководства оказываются скорѣе вредными, чѣмъ полезными. И для примѣненія совѣтовъ, преподанныхъ врачами, нужно пониманіе, а примѣненіе большинствомъ маменекъ совѣтовъ этихъ выходитъ крайне курьезнымъ. Современныя маменьки такъ-же раболѣпно воспринимаютъ каждое указаніе своего излюбленнаго руководства, не справляясь съ натурой ребенка, не понимая фазисовъ, черезъ которые проходитъ она, какъ раболѣпно повиновались маменьки добраго стараго времени словамъ своихъ авторите-

товъ, примѣрныхъ матерей и умныхъ женщинъ въ родѣ г-жи К. Дѣвушка, которая стала-бы учиться съ цѣлью быть разумной матерью, пріобрѣтя необходимыя познанія, сдѣлалась-бы предметомъ насмѣшекъ именно въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ всего болѣе вопіютъ о женственности воспитанія. «Я на курсахъ не была, а хорошая мать,— говорила мнѣ одна изъ моихъ дѣтскихъ сверстницъ, теперь важная барыня,—я воспитала здоровыхъ дѣтей; они хорошо пошли: сыновья сдѣлаютъ карьеру, дочери сдѣлали хорошія партіи, и, главное, любятъ меня и уважаютъ». Любовь и уваженіе были показныя, предписанныя кодексомъ «порядочности» и еще—разсчетомъ. Здоровыми дѣти выросли потому, что не знали лишеній и бонна англичанка умѣла отлично вести физическое воспитаніе; умственное шло своимъ порядкомъ, благодаря учителямъ, «числомъ поболѣе, цѣною подороже», и столько-же, если не болѣе, благодаря связямъ и вліянію мужа барыни. Что богатыя барыни разсуждаютъ на манеръ Простаковой: зачѣмъ географія, когда есть извозчики, и не пожинаютъ плодовъ своего невѣжества, потому что есть деньги и, слѣдовательно, есть бонны, сидѣлки, учителя, врачи, гигіенисты и что случайно удалось за деньги получить, купить хорошую замѣну себѣ,—это понятно; но непонятно, какъ могутъ такъ разсуждать небогатыя женщины, да еще живущія въ глуши, куда не заглянетъ ни хорошій учитель, ни хорошій врачъ. И какъ многія, схоронивъ дѣтей, или видя въ нихъ Митрофанушекъ, способныхъ только гонять голубей, терзались горькимъ и безплоднымъ отчаяніемъ, сознавая слишкомъ поздно вину собственнаго невѣжества!

Женственная сторона нашего воспитанія, кромѣ развитія граціи, объ урокахъ которой я говорила выше, заключалась въ привитіи намъ кротости поученіями, но не примѣромъ, въ заботахъ о цвѣтѣ лица, стройности и еще въ усовершенствованіи нашемъ по части талантовъ, пріятныхъ въ обществѣ и дома. Музыка стояла на первомъ планѣ; но музыка особенная, показная. Главною цѣлью уроковъ было—развитіе техники, быстроты, умѣнья бойко разыгрывать пьесы, для которыхъ удобнѣе имѣть двойной комплектъ пальцевъ и мѣдныя пружины вмѣсто мышцъ, и безошибочно заучивать пьесы эти наизусть, хотя-бы онѣ были объемомъ страницъ въ 14—16. Я любила музыку, и когда бывала одна, то играла такъ, что нечаянно услышавшій мою игру изъ другой комнаты учитель не вѣрилъ, чтобы это играла я; но то были пьесы, нравившіяся мнѣ, и для техники которыхъ не приходилось буквально по получасамъ долбить одинъ пассажъ. Долбить одинъ и тотъ-же пассажъ мнѣ было еще труднѣе,

чѣмъ другимъ ученицамъ его, потому что природа обидѣла меня по части вѣрности слуха, а метода давать непосильныя пьесы вела къ нечистой игрѣ и еще больше портила слухъ. Я могла играть, какъ говорили, съ выраженіемъ, только то, что нравилось мнѣ—всего болѣе Шопена или русскія пѣсни, но и тутъ, не доглядѣвъ знаковъ ключа, играла иногда, сама того не замѣчая, въ другомъ тонѣ. Но эта любовь къ музыкѣ пришла позже, къ тринадцатому году; а съ семи лѣтъ, слѣдовательно, цѣлыхъ шесть лѣтъ, фортепіано было для меня крестомъ, несомымъ изъ покорности Провидѣнію въ пору моего душеспасительнаго настроенія; затѣмъ—пыткой, которой подчинялась во имя дисциплины. На музыку ежедневно уходило отъ 3—4 часовъ, считая ежедневно даваемый теткой урокъ до обѣда, послѣобѣденное разучиванье заданнаго, и послѣ чая часъ на игру въ четыре руки съ сестрой. Благодаря такой чрезмѣрно-музыкальной повинности, я выучилась играть автоматически; сознательно музицировала я, только разучивая новый урокъ. Разыгрывая все другое, я или повторяла въ памяти уроки, нужные къ слѣдующему дню, или любимыя стихотворенія, или читала интересовавшую меня книгу, положивъ ее на половину пюпитра, на другой половинѣ котораго лежала толстая сложенная нотная тетрадь, при первомъ шорохѣ въ сосѣдней комнатѣ раскрывавшаяся, чтобы закрыть книгу. Въ особенно черные дѣтскіе дни, когда мои горести хватали меня за горло, я бѣжала къ фортепіано и принималась играть самыя трескучія пьесы. Это, во-первыхъ, избавляло меня отъ поученій о гибельности моего несчастнаго характера, а во-вторыхъ, оглушало меня и притупляло острое чувство боли; на трескотню по клавишамъ расходовалась нервная энергія, и я вскорѣ могла снова отдаться и своимъ думамъ, и своимъ урокамъ или чтенію.

Понятно, что все это не можетъ быть названо настоящимъ музыкальнымъ образованіемъ, и эта система испортила небольшой, но настоящій талантъ сестры моей, въ которой видѣли будущую музыкантшу, имѣющую затмить всѣ музыкальныя звѣзды салоновъ нашей крѣпости, съ ихъ псевдоталантами, считавшимися чистопробными. Въ первыя шесть лѣтъ обученія музыкѣ я не имѣла о ней никакого понятія и за нее терпѣть не могла, какъ и всѣ товарищи и подруги мои, одну ровесницу, Мари Б., дочь капельмейстера. Это было милое, кроткое созданіе, не подозрѣвавшее, что причиной недружелюбнаго отношенія къ ней была музыка. Когда Мари Б. бывала у насъ или у Сони, то весь вечеръ проходилъ за музыкой; особенно съ тѣхъ поръ, какъ дядя матери купилъ для Сони хорошій

рояль, Мари нельзя было оторвать отъ рояля. Музыкальные экстазы ея были намъ непонятны. Володя уморительно и передъ глазами ея передразнивалъ ея лицо—«не то ошалѣлое, не то молящееся». Мари Б., не смотря на не дѣтски сильную игру, была слабымъ ребенкомъ; наши шумныя игры утомляли ее, спартанская грубость отталкивала, казалась обидной, вызывала слезы. Бесѣдовать съ нею намъ было рѣшительно не о чемъ. Воспитанная крайне чопорною матерью, вышедшею замужъ уже старою дѣвою, она была взрощена то подъ стекляннымъ колпакомъ, то подъ ледянымъ. Она была чутка на каждое доброе слово, и мы съ ней старались быть внимательны къ ней, какъ Лёленька З. замѣтила: faire des façons avec la fille d'un maître de chapelle. На бѣду, эта натягиваемая внимательность скоро утомляла насъ. Мари Б. могла говорить только о музыкѣ, а мы ничего не понимали въ ея рѣчахъ, и это не потому, чтобы она занимала насъ технической стороной:—намъ было чуждо все то, что она говорила намъ о прелести и силѣ музыки, о томъ, что она чувствуетъ за фортепіано. Она счастлива и видитъ счастливыя лица кругомъ. Когда она играетъ pastorale Бетховена, то видитъ луга, трава переливается, слышатся трели птицъ; въ фугахъ она слышитъ ревъ истоковъ, шумъ вѣтра, громовые раскаты бури; то слышался ей плескъ ручья, или мѣрные удары прибоя волнъ, и брызги бѣлой пѣны высоко взлетали, дробясь о камни. То видѣлись ей зеленыя горы, за ними серебряныя снѣговыя вершины—и она летѣла къ нимъ, взлетала надъ ними высоко къ голубому небу. Мы порѣшили между собой, наконецъ, безапелляціонно, что она лжетъ и страшная лгунья. Не ожидала бѣдная дѣвочка, что такъ будутъ поняты ея изліянія, когда она, умиленная нашею защитою отъ дерзости какой-то гордячки, въ экипажѣ которой, т.-е. отца которой, отецъ Мари Б. служилъ когда-то капельмейстеромъ, по душѣ заговорила съ нами о своемъ, ища сочувствія. Но гдѣ-жъ намъ было взять его? Ея міръ искусства былъ такъ-же чуждъ для насъ, какъ ей нашъ міръ буйныхъ шалостей въ перемежку съ патріотическими диспутами и религіозными увлеченіями. Мы съ Соней понимали, что «Stabat Mater» или «Коль славенъ» выражаютъ религіозное настроеніе, и я играла и то и другое въ минуты дѣтскихъ «горей», ища утѣшенія. Когда мнѣ бывало грустно, я играла веселенькія пьесы, которыхъ вообще не любила за трудъ отчетливо долбить ихъ ради ускореннаго темпа; въ минуты патріотически-воинственнаго или вообще воинственнаго, т.-е. мятежнаго настроенія противъ своего начальства, я играла бравурныя пьесы, и этимъ исчерпывалось все музыкальное чувство, а

равно и пониманіе, доступное мнѣ съ товарищами. Выставка «талантовъ» на журфиксахъ у родныхъ и на вечерахъ у знакомыхъ была для насъ пыткой. Если сосчитать часы, потраченные на музыку, заброшенную, какъ только я добилась свободы располагать своимъ временемъ, то страшно станетъ за массу потраченнаго времени. Я не могла удовлетворяться своей музыкой.

Бѣдной Мари Б. пришлось поплатиться дорого за непосильное развитіе ея дѣйствительно замѣчательнаго таланта. На восемнадцатомъ году она сошла съ ума. Были и другія причины, кромѣ музыки, но основною была расшатанность нервовъ съ дѣтства, сдѣлавшая организмъ неспособнымъ переносить часовъ 9 — 10 и болѣе музыки въ день, т.-е. самостоятельныхъ занятій, уроковъ у Гензельта и, наконецъ, тѣхъ уроковъ, какіе она сама давала, чтобы оплатить уроки у музыкальной знаменитости того времени. Она выздоровѣла, но талантъ ея былъ разбитъ, пропала прежняя игра. Выздоровленіе было непрочно, и она возвращалась не разъ въ больницу душевно-больныхъ. Я видѣла ее, когда она была вторично выпущена изъ больницы, и потомъ потеряла ее изъ вида. Года два-три тому назадъ мнѣ попался, въ какомъ журналѣ не помню, очеркъ больницы, составленный однимъ посѣтителемъ, кѣмъ—тоже не помню. Въ г-жѣ Б., мучительно припоминающей музыку, я узнала свою подругу дѣтства Мари Б. Я узнала-бы ее даже и безъ невѣрной подробности: авторъ упомянулъ о ней, какъ о племянницѣ Некрасова, а она приходилась племянницей сестрѣ Некрасова—Аннѣ Алексѣевнѣ Б. по мужу, который былъ роднымъ братомъ отцу Мари. Бѣдная Мари была жертвой невѣжества основныхъ законовъ воспитанія,—невѣжества, которое еще и теперь считается удѣломъ женщины и признакомъ женственности.

Мари Б.—примѣръ крайне рѣзкій, но, къ прискорбію, приходится сознаться, что только такіе примѣры и производятъ впечатлѣнія; хотя, въ сущности, несравненно страшнѣе та порча, какую вноситъ псевдоэстетическое воспитаніе въ физическій и нравственный складъ дѣвочки, особенно при ничтожныхъ способностяхъ, за которыя часто принимаютъ то, что и вовсе не было артистическою способностью, а просто результатомъ общей понятливости, впечатлительности и большого запаса физической силы, проворства и памяти. Учитель, доканчивавшій мое музыкальное образованіе, очень вѣрно формулировалъ мою музыку: «Keine musikalische Organisation, gute physicalische Apparate zur Technik, versteht die Musik mit dem Geist». Даже если-бы музыка не была обставлена непріятными выставками талантовъ, очень горестно отзывавшимися на бѣдной Сонѣ, вслѣдствіе пи-

кировки нашихъ матерей, то и тогда я-бы почувствовала, что это дѣло не настоящее для меня. Она не захватывала меня всю, какъ, бывало, религіозные экстазы, патріотическій жаръ при чтеніи Карамзина, или отыскиваніе новыхъ аргументовъ, чтобы побивать товарищей англичанъ въ нашихъ диспутахъ. Въ такія минуты я жила только одною мыслью и кромѣ нея не видѣла и не слышала ничего. Музыка доставляла мнѣ удовольствіе только между прочимъ, и я смиренно сознавала, что все мое преимущество передъ Соней заключалось въ сильныхъ, длинныхъ и гибкихъ пальцахъ и отличной памяти; но послѣдній недостатокъ Соня наверстывала терпѣніемъ и трудолюбіемъ, воистину не дѣтскими; первый-же, увы! не могла ничѣмъ наверстать: толстенькіе и коротенькіе пальчики толстой маленькой ручки не могли выдѣлывать трескучихъ пассажей, въ которыхъ видѣли тогда совершенство музыки.

Къ рисованію у меня были кое-какія способности; учитель даже находилъ, что я умѣю идеализировать плохіе оригиналы головокъ академической школы. Пока отдѣлывался контуръ, клались первыя тѣни, то мнѣ самой казалось, будто выходитъ красивѣе и выразительнѣе оригинала. Но къ окончанію рисунокъ выходилъ замазаннымъ, лицо смотрѣло будто изъ подъ чернаго вуаля. Благодаря старинной системѣ тушовки «пунктиромъ», требовалось затирать каждое бѣлое пятнышко такъ, чтобы исчезли всѣ штрихи и тушевка казалась «насыпью». Это брало пропасть времени и надоѣдало. Притомъ я всегда была готова бросить рисованіе для интересной книги. Въ 15 лѣтъ я покончила съ уроками рисованія. Отецъ и мать разсердились, узнавъ объ отвѣтѣ учителя отцу Сони, у котораго тотъ служилъ. На замѣчаніе, что ученицы ровно идти не могутъ, потому что способности разныя, учитель отвѣчалъ: «Это ничего, ваше превосходительство, способности можно уравнять». Быть можетъ, въ силу своего принципа уравненія учитель такъ и налегалъ на мою «насыпь». Начала я одна копировать съ хорошихъ литографій дѣтскія головки—и потомъ забросила; страсть къ чтенію поглотила все, и въ моей рисовальной папкѣ такъ и не оказалось рисунковъ, которые-бы можно было показывать гостямъ, какъ доказательство моего преуспѣванія въ талантахъ, украшающихъ жизнь.

Такое эстетическое воспитаніе вредно тѣмъ, что изъ муравьевъ, дивящихъ свой муравейникъ, создаетъ дилеттантовъ, мнящихъ себя талантами. Знавала я такія женскія existences manquées. Еще чаще встрѣчаются жертвы другого рода, искалѣченныя неразумнымъ эстетическимъ воспитаніемъ. Въ брянчаньи на фортепіано, въ мазаньи

акварелью или красками онѣ видятъ дѣло жизни и какъ къ презрѣнной прозѣ, относятся къ житейскимъ заботамъ—доли жены и матери, и въ то-же время эстетическія занятія ихъ нисколько не смягчаютъ вносимую отчасти и ими суровость жизни въ семью и не скрашиваютъ очагъ—во-первыхъ, потому, что эти занятія порождаютъ какую-то раздражительность, не выносящую ни малѣйшаго перерыва, а во-вторыхъ, потому, что созданныя въ это время произведенія представляютъ изъ себя что-то невообразимо жалкое и ничтожное. И въ то-же время въ душѣ живетъ непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что дѣлается не только дѣло, но еще дѣло не обыденное, носящее въ себѣ печать какого-то избранія. Толчокъ, данный въ извѣстномъ направленіи уму, можетъ перейти и на весь нравственный складъ; закладывается привычка въ пустякахъ видѣть дѣло жизни. Музыкальнымъ исполненіемъ и живописными произведеніями такихъ артистокъ могутъ восхищаться только супруги и отцы маниловскаго типа. Эстетическое образованіе нужно; хорошо развитый художественный вкусъ, вѣрное и непретенціозное исполненіе простой музыкальной вещи—все это, безспорно, украшеніе жизни; но для достиженія этой цѣли не нужны ни тепличная выгонка псевдо-таланта въ непосильный ростъ, ни тщеславная похвальба, ни преувеличенное значеніе, придаваемое вѣрно пропѣтому романсу или пьесѣ, разъигранной на инструментѣ. Ученицы должны знать, что все это дѣло очень обыкновенное, которому отводятъ далеко не первое мѣсто въ жизни, а слѣдовательно, и въ воспитаніи; но именно такое мѣсто искусства, украшающія жизнь, занимали въ воспитаніи моемъ.

Съ той поры, какъ мы вступили въ тотъ возрастъ, когда дѣвочка уже не дитя, но еще не дѣвушка, наше нравственное воспитаніе получило особую складку и, надо сказать, довольно комическую. Воспитательницы стали прилагать неусыпное рвеніе къ сохраненію нашего невѣдѣнія и наивности. На чтеніе французскихъ книгъ была наложена строжайшая цензура; заклеивали странички въ самыхъ невинныхъ романахъ въ родѣ «Tulipe Noire» Дюма-отца, или «Picciola» Сентина. На англійскую и нѣмецкую литературу не было наложено никакой цензуры:—обѣ считались безусловно нравственными. Я съ 15 лѣтъ читала, понимая черезъ пятое десятое, Байрона, и какъ ни страшно мнѣ казалось мое нечестіе, но я не могла не ощущать трепета какой-то гордой силы, когда читала отвѣтъ Манфреда злому духу о томъ, что тотъ не устрашитъ его никакою казнью, потомъ, что у него въ душѣ своя сила, своя мука. Подъ рукою у меня нѣтъ экземпляра Байрона, и я цитирую на память. Наша учительница англи-

чанка давала мнѣ Шекспира, котораго читали и ея дѣти. То не былъ Шекспиръ, пообчищенный для юношества. Она предупредила насъ, что Шекспиръ писалъ въ пору грубости нравовъ, и потому мы сами не станемъ останавливаться на неприличіяхъ, которыя въ то время были дѣломъ обыкновеннымъ, но что онъ далъ такія творенія, не проникнуться величіемъ которыхъ можетъ только тупица. Шекспиръ— это цѣлый міръ, и все есть въ немъ, какъ въ мірѣ, добро и зло. Смотря по тому, кто что̀ почерпнетъ изъ Шекспира, узнаешь и натуру читавшаго. Это не было сказано въ торжественной рѣчи, а въ нѣсколько пріемовъ, въ замѣчаніяхъ, сказанныхъ кстати, и я даю общій сводъ. Непристойности Шекспира, въ очень крупномъ процентѣ, остались непонятными для насъ, притомъ онѣ говорились большею частью въ пьяныя минуты шутами, солдатами, а мы питали самое эстетическое презрѣніе къ такимъ художественнымъ созданіямъ и интересовались только героями. Гамлетъ, конечно, былъ не понятъ,—интересовала только фабула,—но Венеціанскій купецъ произвелъ сильное впечатлѣніе, до того сильное, что, не смотря на наше юдофобствующее настроеніе, вполнѣ соотвѣтствовавшее нашему тогдашнему патріотизму, не смотря на всю злобную ненависть Шейлока къ христіанамъ, несчастный отецъ былъ жалокъ. Изъ нѣмецкой литературы намъ не дали одного Вертера. Читали мы безъ разбора, такъ какъ нѣмецкихъ книгъ было въ клубной библіотекѣ больше, чѣмъ англійскихъ, и потому попадалась всячинка. Англійскія-же рѣдко кто читалъ и выписывались, ради полноты библіотеки, только произведенія знаменитостей. Мнѣ приходилось разрѣзать пожелтѣлыя, слишіяся страницы. Въ числѣ членовъ клуба было не мало нѣмцевъ, заботившихся о чтеніи для себя и супругъ. Тогда мнѣ пришлось прочесть нѣсколько произведеній молодой Германіи, пропитанныхъ чувственностью романтической школы, прикрытою мистическимъ идеализмомъ. Все это пронеслось надъ головой, длинныя превыспреннія разсужденія въ нескончаемыхъ неріодахъ наводили скуку, я перескакивала ихъ, спѣша къ дѣйствію. Всѣхъ романтиковъ, которыхъ я тогда прочла, я отдала-бы за «Вильгельма Теля», котораго перечитывала съ наслажденіемъ. «Ein grosser Held», говорила учительница, смѣнившая ту, которая задавала мнѣ писать стихи, потомъ и она, какъ-бы испугавшись чего-то, обратила вниманіе на послѣднюю сцену, когда является принцъ Іоаннъ— убійца, наводящій ужасъ и гонимый тамъ, гдѣ поклоняются Телю.

Рвеніе матери, и въ особенности тетки, прилагаемое къ охраненію невинности нашей фантазіи и мысли, могли-бы произвести совершенно

обратное дѣйствіе, если-бы мы были менѣе героически и религіозно настроены. Мое религіозное настроеніе начало блѣднѣть къ пятнадцати годамъ. Соня сохранила свое, и оттого болѣе тянула къ другой подругѣ, настроенной такъ-же религіозно, но въ которой я никогда не замѣчала героическаго и патріотическаго настроенія. Мое настроеніе не нравилось матери и теткамъ; все это были превыспренности, за которыя меня могли прозвать ханжей или педанткой; сестра отца находила задатки «экзальтированной головы» и по часамъ читала поученія о необходимости здраваго смысла и умѣренности. Къ чему волноваться, мучиться надъ тѣмъ, что я принимаю за противорѣчія; глупо проливать восторженныя слезы надъ Мининымъ или двѣнадцатымъ годомъ. Потомъ будешь неспособна къ обыденной жизни... Ея дочери никогда не мучились ни надъ чѣмъ, ничѣмъ не восторгались до слезъ; но онѣ—хорошія дочери, исполняютъ свой долгъ и радуютъ ее, а я огорчаю свою мать.

И не понимали они всѣ, что эти «превыспренности» не давали мнѣ и Сонѣ увлечься дѣтскими романами. А были такіе романы въ нашемъ товариществѣ,—съ ссорами, горькими слезами, сценами ревности, преждевременно будоражившими дѣтскую природу; больше, впрочемъ, было водевилей ухаживанія. Все это казалось намъ глупостями, обезьянничаньемъ большихъ.

Съ пятнадцатилѣтняго возраста материнская охрана приняла еще болѣе тревожный характеръ. Въ этомъ именно возрастѣ начинаются привязанности, которыя могутъ оказаться прочными и разстроить разсчеты маменьки на хорошую партію. Тетка стала подслушивать наши бесѣды съ Соней, перестали брать по воскресеньямъ изъ корпуса ровесниковъ,—тѣмъ болѣе, что одинъ былъ замѣчательно хорошъ собой. Я считала его нюней и глупымъ; мнѣнія этого, однако, не высказывала, а разъ при теткѣ, очень недурно рисовавшей, замѣтила, что хорошо-бы срисовать его голову. Обереганіе доходило до комизма, и это еще по одному поводу. Тонъ воспитанія давала первая сановница города, у которой былъ для дочерей полиглотный составъ гувернантокъ. Барыня была съ придурью и запрещала дочерямъ говорить даже о помолвкѣ старшихъ подругъ, уже вывезенныхъ въ свѣтъ. Это переняла и мать Сони. Выходили невообразимо глупыя сцены. Иногда намъ лгали безсмысленно, не смотря на очевидность улики. Помню живо изумленіе, въ какое повергла меня новая учительница англичанка, гувернантка сановницы, приглашенная, когда мать Мери нашла, что ей уже нечему учить меня, а съ литературой я могу уже знакомиться сама. Новая учительница не препода-

вала исторію литературы, а только задавала переложенія въ прозу или сокращенія изъ образцовой прозы. Задала она мнѣ переложить въ прозу Мазепу Байрона. Читая мою работу, она пришла въ ужасъ, воскликнула «Schocking!» и, вычеркнувъ слово «жена», поставила «дочь». «Но въ поэмѣ говорится о мести мужа»,— замѣтила я. Моя учительница стояла на своемъ: я не такъ поняла; если-бы дѣло шло о женѣ, то «Мазепа» былъ-бы безнравственнымъ произведеніемъ, а оно нравственное, иначе она не задала-бы мнѣ этого переложенія въ прозу. Оплошала-ли учительница и, вмѣсто исправленнаго для дочерей сановницы экземпляра, привезла мнѣ свой—не знаю; знаю одно, что она не захотѣла ни взглянуть на указанныя мною строки въ поэмѣ, ни выслушать чтенія ихъ. Мы, конечно, догадались, что она провралась и замазываетъ. Былъ и съ О. случай въ родѣ этого. Его попросили быть очень строгимъ въ выборѣ образцевъ для чтенія. Говорилъ онъ намъ о Кольцовѣ. Придя въ эстетическій восторгъ, онъ сказалъ: «Вы не будете имѣть понятія о силѣ поэзіи Кольцова, если я не прочту вамъ нѣсколько стиховъ изъ одной изъ лучшихъ вещей его: «Поцѣлуй». Представьте,—прибавилъ онъ, слегка смутившись,—что вы свидѣлись послѣ долгой разлуки; вамъ не трудно понять и «горе разлуки, и радость свиданія». И онъ началъ читать: «Обойми, поцѣлуй, еще разъ горячѣй», и т. д., и, все болѣе и болѣе увлекаясь, прочелъ до конца: «пріѣду я, обвѣнчаться съ тобой». При послѣднихъ звукахъ онъ такъ и остался съ разинутымъ ртомъ. Мы съ Соней, красныя до ушей, сохраняли невозмутимое выраженіе лица, не смотря на разбиравшій насъ смѣхъ. Когда О. ушелъ, Соня сказала мнѣ: «Не говори мамѣ, ему будетъ замѣчаніе». Вскорѣ мы услышали, что О. женихъ и поняли, почему онъ такъ увлекся, читая Кольцова. Всѣ заботы нашего начальства не могли охранить въ насъ требуемую наивность. Впрочемъ, чистопробности и не требовалось; главное, надо было казаться, а это искусство не давалось намъ никогда.

Этими заботами о наивности, вмѣстѣ съ поученіями о кротости, исчерпывалась нравственная сторона воспитанія дѣвушекъ того времени. Сколько мнѣ впродолженіе моей жизни ни приходилось слышать разсказовъ о воспитаніи отъ своего поколѣнія женщинъ, росшихъ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ среды, основные устои были тѣ-же. Готовили невѣстъ, умѣющихъ привлечь жениховъ, покорныхъ дочерей, которыхъ можно выдать за кого угодно и которыя будутъ покорными супругами кого-бы то ни было, и еще готовили барышень, которыя тѣшили-бы родительское тщеславіе успѣхами въ свѣтѣ, и потомъ тѣшили-бы и мужнее, если-бы попался податливый

на это супругъ. Практической подготовки для будущей семьянки не давали никакой, не говоря уже о научной и педагогической, но и просто практической. Въ небогатыхъ семьяхъ дѣвушка всего чаще съ скрежетомъ зубовнымъ занималась хозяйствомъ или младшими братьями и сестрами, проклиная бѣдность, завидуя счастливымъ подругамъ и въ то-же время рисуясь своими занятіями, какъ подвигомъ добродѣтели. Были, конечно, исключенія, но я ихъ знала мало. Впрочемъ, благодаря крѣпостнымъ деньщикамъ и дѣвкамъ, очень немногія барыни и барышни были обречены на униженіе работать. Соня, хотя родители ея имѣли хорошія средства, занималась съ маленькимъ братомъ, больнымъ и робкимъ ребенкомъ, который у нея учился хорошо. Это считалось большою рѣдкостью въ то время. Словомъ, процвѣталъ только идеалъ веселой жизни, блеска въ свѣтѣ. Онъ не мѣшалъ хозяйственнымъ талантамъ по части соленій, вареній, мариновокъ; съ нимъ шло объ руку искусство всякихъ вышивокъ, вязаній, плетеній всякихъ ненужностей, и это безъ всякихъ уроковъ рукодѣлій. Я помню, что всего для двухъ пріятельницъ пригласили даму, обучавшую рукодѣлью, да и то ей пришлось выучить немногому. Всѣ тонкости рукодѣлій перенимались другъ у друга, у старшаго поколѣнія. Нынѣче, въ виду развитія семейныхъ добродѣтелей, усиливаютъ уроки рукодѣлія; но если дѣвочка не калѣка безрукая, то, право, вовсе не нужно такъ много часовъ въ году на то, чтобы она выучилась простому шитью и вязанью. Часы, отданные на рукодѣлье въ ущербъ ученью,—прямая потеря. Гораздо выгоднѣе, не говоря уже въ отношеніи умственнаго и нравственнаго вліянія матери въ семьѣ, но и въ экономическомъ, если мать будетъ въ состояніи сама учить дѣтей своихъ и потомъ толково слѣдить за ихъ образованіемъ, когда понадобятся высшія степени его, чѣмъ если она будетъ обшивать ихъ какъ куколокъ. Безъ всякихъ уроковъ рукодѣлія, мы умѣли чинить, штопать, шить простое бѣлье и юбки къ платьямъ со всевозможными отдѣлками, передѣлывать шляпки, мастерить матери чепцы и всякія вышивки. Почему нибудь да не терпятъ-же ученицы уроковъ рукодѣлія, и это явленіе не недавнее: ихъ не терпѣли институтки еще въ тѣ времена, когда мать моя училась. Что можетъ быть скучнѣе траты времени, которую сознаешь вполнѣ? Беря изъ года въ годъ уроки рукодѣлія, ученица, если она не дура, видитъ, что новому она не выучивается ничему, разъ она умѣетъ владѣть иглой; а всѣ комбинаціи при производствѣ изящныхъ рукодѣлій требуютъ такой ничтожной перемѣны пріемовъ, что для этого не нужно никакихъ уроковъ; есть всякіе «Базары» и т. п. Кройкѣ выучиваются

въ 6 недѣль, но это на общихъ урокахъ, на которыхъ обученіе вообще идетъ медленнѣе. А если въ 6 недѣль и даже въ 6 лѣтъ, начиная съ азбуки и счета, не выучиться знаніямъ, нужнымъ для ухода за тѣломъ и душой ребенка, не получить того развитія, безъ котораго женщина будетъ всегда стоять ниже мужа, то между ними всегда будетъ та рознь, то отчужденіе въ святыя святыхъ, какое указалъ Толстой въ бракѣ Левина и Китти. Да, старая система не годилась никуда и нечего воскрешать ее...

Мы стояли на порогѣ юности, потому уже поговаривали о выѣздахъ и усилилась дрессировка по части граціи. Возможно, что въ суетѣ суетъ свѣтской жизни, въ которую мы, въ свой чередъ, вступили, заглохлибы всѣ стремленія, бродившія въ насъ, если-бы не грянула общая бѣда — крымская война. Начиная съ 1852 г. открылся рядъ толчковъ, будившихъ общественное сознаніе. Заговорилось смѣлѣе передъ общей бѣдой. Мы знали хорошо, почему сѣверный фарватеръ былъ такъ загороженъ, что мины всплывали и на нихъ натыкались мирныя чухонскія лайбы. Мы знали, почему фортъ Менщиковъ безполезенъ и что стрѣльба разомъ изо всѣхъ ярусовъ грозитъ стѣнамъ обваломъ. Мы видѣли, какъ противъ мелкихъ англійскихъ судовъ готовили гребную флотилію—галеры чуть не временъ Анны Іоанновны, неуклюжія расшивы съ прямо усѣченной кормой, отъ которой надъ уровнемъ воды шла острымъ треугольникомъ площадка для пушки. Помню, какъ одинъ мичманъ, указывая отцу на эти расшивы, медленно маневрировавшія въ купеческихъ воротахъ гавани, сказалъ съ горькой ироніей: «Мы *это* выставимъ противъ ихъ обшитыхъ мѣдью канонирокъ». Отецъ, противъ моего ожиданія, не напомнилъ ему о дисциплинѣ, ни о скромности, приличной его возрасту, но съ глубокой скорбью, хватаясь какъ утопающій за соломку, сказалъ: «Молодой человѣкъ, Богъ и въ слабости выкажетъ свою силу. Только-бы онъ не покаралъ насъ за грѣхи». Знали мы, какъ вслѣдствіе пикировки наѣхавшаго начальства разныхъ частей,—артиллеріи, пѣхоты, — съ нашимъ крѣпостнымъ и морскимъ, на передніе форты не были свезены во время пушки, порохъ, бомбы. Дѣло шло къ веснѣ; ледъ сломало между портомъ и передовыми фортами. Къ счастью, за ближайшимъ островомъ къ нашему сперло ледъ, и англійскій флотъ, доходившій до Гохланда, не могъ двинуться далѣе. Во время распутицы въ городѣ царила паника. Придетъ и заберетъ, ничего не готово—вотъ, что слышалось со всѣхъ сторонъ, вотъ, что было написано на всѣхъ лицахъ. Они прояснялись только тогда, когда узнали, что миль за 80 отъ фортовъ сплошной ледъ. Былъ и еще урокъ. Я

замѣтила, что теперь не такъ ужъ варварски бьютъ рекрутъ и солдатъ при обученіи маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ. Смотрѣвшая со мною въ окно барыня, прежде не обращавшая на это никакого вниманія, замѣтила: «Слава Богу. Еще-бы теперь! Надо Бога помнить теперь». Убиравшій со стола деньщикъ, смѣнившій Ивана, отслужившаго свой срокъ, усмѣхнулся и, подойдя, шепотомъ сказалъ: «Потому, опасаются теперь народъ свой бить, безъ него ничего не подѣлать съ англичанамъ». Я вознегодовала: «Какъ, ты думаешь, не пойдутъ противъ непріятеля?» Онъ сталъ серьезенъ: «Какъ не пойти—измѣна, есть крестъ на шеѣ».—«Ну, такъ что-жъ ты говоришь?» Онъ замялся, и послѣ я допыталась отъ него, что офицеры опасаются быть убитыми своими солдатами. Это бывало въ турецкую войну (онъ разумѣлъ 28 г.), онъ слыхалъ отъ старшаго брата. Позже, отъ пріѣзжавшихъ на леченье раненыхъ подъ, Севастополемъ я слышала факты, подтверждавшіе слова деньщика.

Все это было горькимъ, страшнымъ урокомъ; отъ такихъ уроковъ быстро росла мысль и подготовлялась почва для воспріятія идей другого порядка,—идей эманцинаціонной поры. Крестовскій-псевдонимъ, въ романѣ «Большая Медвѣдица», словами героини своей, намученной всею безурядицей, всею ложью, всею грязью, всплывшими наверхъ въ эту памятную пору, говоритъ: «А тутъ, въ сторонѣ ото всего, стой съ связанными руками и не смѣй вымолвить, что это тебя терзаетъ: не твое дѣло». У насъ тоже говорили: не твое дѣло, умѣряя пылъ молодого негодованія, но говорили больше для формы. Гроза, бывшая далекой отъ провинціи, описанной въ «Большой Медвѣдицѣ», висѣла надъ нами. Табель о рангахъ между старшими и младшими, между смѣющими и не смѣющими имѣть свое сужденіе, утратила въ значительной степени прежнее значеніе въ виду общей опасности. Сама жизнь говорила непреложными фактами. Каждый, кто слышалъ о какомъ-нибудь новомъ фактѣ, въ родѣ, напр., образцовыхъ картъ Балтики, составленныхъ англичанами, когда наши суда зачастую натыкались на рифы, невѣрно обозначенные или вовсе не обозначенные на нашихъ картахъ, спѣшилъ дѣлиться со всѣми, кого встрѣчалъ. Общая опасность сближала. Притомъ появился стыдъ. Барыни и барышни пріятельницы перестали съ прежнею беззастѣнчивою откровенностью передавать другъ другу свои экономическія соображенія по части разныхъ командировокъ, работъ, экспедицій, опытовъ орудій и т. п., и перестали не ради одного страха, что теперь на крѣпость нашу *смотрятъ*; былъ стыдъ, и хотя онъ не мѣшалъ обдѣлыванью дѣлишекъ, но не стало прежней мѣднолобости.

Сознаніе опасности, которой подвергало обдѣлыванье это, вызывало негодованіе въ незаинтересованныхъ денежными результатами его. Притомъ молодость всегда отзывчивѣе и чище,—крупный процентъ ея, къ сожалѣнію, потому только, что не успѣлъ еще запачкаться. Но такой печальный результатъ обнаруживается въ будущемъ; въ настоящемъ—все-же больше чистоты. Въ то время, какъ многіе отцы смотрѣли на войну съ Скалозубовской точки зрѣнія, или видѣли въ общемъ бѣдствіи средство наживы, дѣти ихъ понимали общую опасность, общее горе—и шли отдавать жизнь, иные даже, не видя въ томъ геройскаго подвига, досадовали, когда барыни и барышни, восторгаясь, фразисто кричали объ ихъ геройствѣ.

Все это имѣло глубокое воспитательное значеніе для нашего поколѣнія—не въ силу только одного отрѣшенія отъ мелкаго эгоизма обыденной жизни, не въ силу только честнаго юношескаго негодованія противъ лжи и зла, но еще въ силу того, что въ эту пору поняли, какое значеніе имѣла та масса, которая поставляла намъ деньщиковъ икрѣпостныхъ и которая теперь была призвана нести самыя страшныя тяготы войны. Мы заучивали наизусть, съ искренними слезами повторяли строки изъ ходившаго по рукамъ извѣстнаго стихотворенія, гдѣ говорилось о ратникѣ:

Осѣнивъ крестомъ грудь передъ боемъ,
Не посрамитъ земли родной...

Мы вскорѣ увидѣли калѣкъ, возвращавшихся протягивать на улицѣ руку, и мы невольно краснѣли и чувствовали свою крѣпкую связь съ ними.

Все это были впечатлѣнія жизни, будившія чувство; они копились едва-ли не безсознательно, но при первомъ словѣ объ отмѣнѣ крѣпостного права, все перечувствованное поднялось—и мы жадно ждали дня благовѣстія. Да, нашему поколѣнію женщинъ выпало счастье жить въ исключительную эпоху. Она поднимала, умъ и чувство быстро росли. Узость и бѣдность дѣвическаго воспитанія заполнялись живыми общественными стремленіями; мелочность и уродливость изглаживались широкими чертами, которыми жизнь стирала ихъ съ женской души. И все дѣльное и честное, что̀ женщина за послѣднее тридцатилѣтіе внесла въ общественную жизнь, имѣетъ источникомъ своимъ эту пору. И теперь работаютъ на общей нивѣ, вмѣстѣ съ женщинами, воспитанными этою порою, дочери ихъ.

Но такія эпохи, какъ та, которая довоспитала мое поколѣніе,—исключительныя эпохи. Воспитаніе должно дать подростающимъ поколѣніямъ женщинъ то пониманіе добра, совершенствованія и правды

общественныхъ, какое дала намъ эта эпоха. Безъ такого пониманія женщина не будетъ ни хорошей женой, ни матерью. Безъ воспитанія, дающаго женщинамъ это пониманіе, семья будетъ только гнѣздомъ, въ которомъ выращивается семейный эгоизмъ; женщина будетъ не матерью, а насѣдкой съ девизомъ: гори весь міръ огнемъ, только-бы моимъ было хорошо. Все, сказанное въ этихъ строкахъ, было говорено много и много разъ, и прискорбно, что все это не вошло еще въ плоть и кровь общества и что приходится повторять все это почти четверть вѣка...

М. Николаева.